

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ШЕРЕМЕТЬЕВО

Дмитрий
Силлов

Дмитрий Олегович Силлов
Кремль 2222. Шереметьево
Серия «Кремль 2222»
Серия «Снайпер», книга 15

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9012219

Кремль 2222. Шереметьево : [фантастический роман] / Дмитрий

Силлов: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-088595-4

Аннотация

Снайпер вспомнил все.

Свою прошлую жизнь. Свою любовь...

Теперь у него появилась цель – добраться из Петербурга в Москву, где, возможно, все еще ждет его девушка с глазами цвета чистого неба.

Но сделать это не так-то просто.

Ведь на трассе, связывающей два города, Снайпера подстерегают многочисленные опасности, коварные аномалии, кровожадные чудовища... и его давний заклятый враг со своей армией мутантов, базирующейся на территории бывшего аэропорта Шереметьево.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Шереметьево

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства «АСТ» и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанры» издательства «АСТ», за поддержку и продвижение проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над данным романом;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru; www.kreml2222.com; www.real-street-fighting.ru; Алексея Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»; Сергея «Ион» Калинцева, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru и Виталия Градова, администратора литературного портала www.stalker-book.com, за помощь в интернет-продвижении проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ», а также Алексея Лагутенкова, сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, за квалифицированные консультации

Пролог

Взрыв раздался неожиданно...

Нет, боевого робота должно было тряхнуть, причем неслабо, когда с его плеч стартовали бы ракеты, направленные на Кремль. Но до атаки оставалось еще несколько минут, а тут...

Додумать ученый не успел. Пол под его ногами треснул, расплозся, словно гнилая материя, и из разрыва в потолок рубки управления ударил столб неистового огня. Правда, за мгновение до этого ученый успел ударить ладонью по кнопке, расположенной рядом с панелью управления ракетными системами боевой машины. Он всегда успевал вовремя принимать правильные решения, и только потому до сих пор еще оставался в живых.

Катапульта сработала четко. Кресло вместе с пилотом выбросило из рубки управления, и, уже находясь в воздухе, ученый увидел, как созданная его руками безукоризненная машина войны разваливается на части, словно пластмассовая игрушка.

А еще он увидел, как то же самое происходит с остальными био, идущими рядом с головным роботом. Непобедимая армия, созданная руками и волей военного гения, на его

глазах превращалась в груды металлолома, не подлежащего восстановлению.

Потом кресло по крутой траектории пошло вниз, но ученого это не беспокоило. Система мягкого приземления, сработанная собственноручно, была, пожалуй, самой надежной деталью головной машины. Даже если ты на сто процентов уверен в успехе, всегда стоит позаботиться о комфортной посадке, если вдруг что-то пойдет не так, и в очередной раз придется упасть...

Чтобы в очередной раз подняться.

Кресло слегка тряхнуло, но система и вправду сработала безукоризненно. Ученый отстегнул ремни безопасности и поднялся на ноги. Он был абсолютно спокоен – так же, как если бы стоял сейчас не среди догорающих останков своей армии, а водружал свой личный флаг на балконе Спасской башни захваченного Кремля. Не в его правилах было рефлексировать ни по поводу больших радостей, ни по поводу неслабых разочарований. Все, что сломано, можно восстановить. Все, чего не достиг сегодня, можно достичь завтра, главное – не сворачивать с избранного пути.

В спинке кресла имелся специальный отсек, где хранился рюкзак со всем необходимым, включая КПК с подробными записями всех научных достижений ученого за последние годы, тактический бронекостюм «Mutant», а также крупнокалиберный штурмовой автомат АШ-12, идеальное оружие ближнего боя.

Ученый не спеша переоделся – легкая броня пилота биоробота не лучшая защита для пехотинца, которому в одиночку придется начинать все сначала среди руин постапокалиптического мира. Но ему не привыкать создавать все с нуля – тем более, что сейчас у него не осталось сомнений в пагубности выбранного пути. Герой завоевывает мир сам, мудрец делает то же самое чужими руками. Пора признать, что путь воина не для него. Значит, нужно просто попробовать решить проблему по-другому.

Ученый опустил забрало шлема и сразу почувствовал себя в безопасности. Прокусить броню «Мутанта» не под силу даже ужасным челюстям жука-медведя, одного из самых страшных монстров этого мира. Так что о порождениях Последней Войны можно не беспокоиться. Другое дело – тот, кто отправил ученого в этот проклятый мир. Наверняка и странная гибель армии биороботов произошла не без его участия... Ладно, сейчас надо думать не об этом.

Пальцы ученого пробежались по клавиатуре, и на экране КПК появилась карта Москвы. Так-так... Отсюда до Шереметьево немногим более тридцати километров. Нелегкий путь для того, кто решил пройти его пешком среди руин разрушенной Москвы. Но для того, чтобы реализовать план «Б», без этого не обойтись.

– Ну что, профессор, прогуляемся? – усмехнулся ученый собственному отражению на обратной стороне забрала защитного шлема, выполненного из матового бронестекла. – В

вашем возрасте прогулки на свежем воздухе крайне полезны для организма.

И пошел вперед, огибая дымящиеся останки боевых машин. Теперь они его интересовали не больше, чем развалины московских зданий, поросшие серым мхом. Для того чтобы подняться, надо научиться хладнокровно относиться к падениям – а это ученый умел делать не хуже, чем восстанавливать боевые машины и биологические организмы, уничтоженные Последней Войной человечества.

* * *

Есть такое дурацкое выражение: «ничто не предвещало беды». Как будто, если бы ее что-то предвещало, ты б так и продолжал спешить ей навстречу с расprostертыми объятьями – мол, здравствуй, родимая, где ж ты так шлялась, заждался я тебя... Да щас там. Как говорится, знал бы где упасть, упал бы в другом месте, где помягче. Или просто ту-по поехал другой дорогой.

Но я поехал этой, хотя говорил мне Тимофей: «остерегайся населенных пунктов. Хрен его знает, кем они могут быть населены». И сейчас не объехал я тот пункт, а попер прямо, в самую гущу подозрительно хорошо сохранившихся трех-четырёх-пятиэтажек. Расслабился, терминатором себя почувствовал, ага. Как же, на крутом мотоцикле, снабженном двумя «миниганами», с «Валом» за спиной, плюс на поясе

«Ярыгин», подаренный Тимофеем, «Бритва» моя неразлучная, кинжал «Сталкер» за голенищем. Куда деваться. Сам черт мне брат, и смерть сестра названная. Да и подумаешь, мертвый городок впереди. Сколько их было, сколько будет.

Короче, ничто не предвещало...

А город и вправду мертвый оказался. Словно труп свежепреставившийся. Не дышит, не шевелится, но свежий с виду, будто не умер вовсе, а заснул. Мне б призадуматься, с чего бы это такое – вокруг на сотни километров одни пустоши да развалины, а тут практически целый небольшой город, которого словно и не коснулась Последняя Война человечества, превратившая этот мир в выжженную пустыню. Но – не призадумался. Не может живой человек постоянно быть в напряжении, будь он хоть с ног до головы наикрутейший воjak. Плюс мысли у меня имелись тяжелые, давили нехило...

В общем, лопухнулся я.

А те, кто в засаде сидели, – нет.

Довольно широкая дорога меж домами внезапно окончилась широкой площадью, пустой, словно нестандартно большой плац воинской части. По бокам – типовые пятиэтажки, точно такие же, как в Припяти и тысячах других городов, далеких от мегаполисов. А впереди – трехэтажное приземистое строение с окнами, заложенными кирпичом и, словно горизонтальными зрачками, перечеркнутыми прорезями бойниц. И в одной из тех бойниц заметил я блеск незначительный, мелькнувший как бы невзначай...

От того блеска мгновенно мне стало слегка нехорошо, аж спина взмокла разом. Мысли горестные подевались куда-то, а вместо них соображалка заработала, включилась с нейтральной сразу на пятую. Лучше поздно, чем никогда. Хотя у меня появилось стойкое ощущение, что уже поздно. Ибо попал я в классическую ловушку, где с трех сторон дома, где в почти каждом окне кто-то уже взял на прицел одинокого мотоциклиста, и только ждет команды открыть огонь.

Правда, у меня было небольшое преимущество. Крохотное такое, мизерное. И заключалось оно в том, что мне ждать команд от кого-либо без надобности. Я сам себе и командир, и разведчик, и стрелок в одном флаконе – вернее, в слегка потертом, но вполне еще годном трофейном камуфляже архаичной расцветки «лиственный лес». И порой эти команды настолько безумные, что я сам им удивляюсь. А уж враги – и подавно.

Начни я сейчас разворачиваться на площади, невидимые стрелки, разом поняв, что их план раскусили, немедленно изрешетили бы меня свинцом. Или стрелами утыкали, словно ежа, если у них с огнестрелом неважно. Это в своем навороченном «Мутанте» я мог выпендриваться, крутость показывать. Но мой защитный костюм пал смертью храбрых в бою, геройски заслонив меня броней и осыпавшись на землю грудой искореженного металла. Сейчас же вся моя защита – это хлопчатобумажная камуфля да мотоциклетный шлем на голове, который откопали защитники Кронверка в запасни-

ках Музея. Вряд ли, конечно, это был выставочный экспонат. Скорее всего, забыл его там кто-то из давно умерших работников, да так и провалялся раритет две сотни лет, зарастая пылью и паутиной. Но ничего, нашли его благодарные бойцы, почистили и вручили мне – хотя, на мой взгляд, благодарить было особо не за что.

В общем, не стал я разворачиваться на площади, а наоборот, поддал газу, откинув перед этим защитный колпачок над красной кнопкой и вдавив ее в приборную панель.

Глухо заворчали шестиствольные пулеметы, подвешенные по бокам моего мотоцикла. Если вы читаете эти строки, значит, какой-то издатель в каком-то из миров обнаружил мои записи, и, возможно, предыдущие тоже. Кому интересно, откуда на моем байке «миниганы» появились, ищите предыдущий роман о том, что произошло со мной в Петербурге. А мне слегка недосуг разьяснять что к чему, так как лечу я на своем мотоцикле прямо на трехэтажный дом, и очень надеюсь, что сейчас не убью себя об стену. Хотя есть к этому все предпосылки – в конце двадцатого века дома порой строили на совесть, и этот – именно из таких.

Но оба пулемета уже раскрутились, и свинцовый ливень обрушился на дом, мгновенно выбив из него огромное облако кирпичной пыли. В которое я и нырнул, слыша, как за спиной тарахтят беспорядочные выстрелы – значит, с огнестрелом у местных все в порядке, и, соответственно, все я сделал правильно.

Если, конечно, мне удастся остаться в живых.

Удар был нехилый – все-таки, устояла стена под натиском моих пулеметов. Но когда в нее врезался тяжеленный байк, переднее бронированное крыло которого специально и задумывалось для подобных ударов, выщербленная пулями кладка не выдержала.

Наверно, эффектно это выглядело со стороны – мотоциклист вламывается в здание, и во все стороны кирпичи летят. Мне же было как-то наплевать на внешние эффекты, тем более, что один из кирпичей заехал мне по шлему. Прилично так, до звездных спецэффектов. Но лучше уж так, чем с кирпичом в мозгу. И, кстати, хоровод созвездий перед глазами еще не повод, чтобы расслабляться.

Тем не менее, мотоцикл я не удержал, и вместе с ним грохнулся на пол, при этом в самый последний момент успев поджать ноги и выдернуть ключ из замка.

Двигатель байка захлебнулся вместе с пулеметами, правда, те успели прочертить по противоположной стене две нехилых черты, по пути вынеся дверь напротив. Удержи я равновесие, можно было прям через дом насквозь проскочить и умчаться вдаль. Но не супермен я, увы, поэтому вдаль не получилось. Хорошо еще, что об стену не саморазмазался, и что ноги целы. Остальное – привычное дело техники.

«Вал» перекидывать со спины в положении лежа на боку дело долгое, секунды полторы-две точно займет. А вот «Ярыгина» из кобуры выдернуть времени вдвое меньше требует.

Что я и сделал, с учетом того, что на полуразрушенном перекрытии второго этажа неуверенно застыли несколько силуэтов, офигевших от моего шумного и эффектного вторжения.

Кстати, дом внутри был пуст, если не считать слежавшихся куч мусора по углам и остатков бетонных перекрытий, с которых свисали книзу веревочные лестницы. Понятно. Это дом, превращенный в нечто вроде трехэтажного ДОТа – если, конечно, можно так назвать кирпично-бетонную коробку со множеством огневых точек на месте окон.

Точек было много. А вот вояк возле них штук десять зависло, не больше. У большинства в руках хлипкий огнестрел, типа древнего охотничьего ружья, но у двоих я точно АК срисовал, которые они неуверенно так снимали с упоров. Понятно для чего. Чтоб через секунду-другую обрести пошатнувшуюся уверенность в себе и превратить в дуршлаг больно шустрюю жертву. Сейчас вон тот, с харей шире плеч, непременно заорет «Вали его!» – и начнется. Уже и пасть растягивает, медленно так, мерзко, ниточки слюней меж толстых губ поблескивают... И не понять, то ли человек это с уродской рожей, то ли ворм с нормальной мордой для этой породы. Наверно, все-таки второе. Уж больно харя у него паскудная, без мутаций тут точно не обошлось.

Это у меня всегда так. Ну, или почти всегда. В экстремальные моменты время словно замедляется, будто сама судьба мне лишний шанс дает. Правда, недолго это состояние длит-

ся, к сожалению, очень недолго, пару-тройку мгновений, не более. А за это короткое время надо успеть так много...

Первую пулю губастый пастью и словил, так и не успев дать команду своей пристяжи. Рожу я его, кстати, как следует не рассмотрел, только цель видел – губы его, похожие на пельмени, зубы гнилые меж ними, а в центре – язык. Мясистый, красный и в пупырышках. Один в один как мишень, и язык – словно «десятка». В него и воткнулся раскаленный свинцовый цилиндр, который в этот момент был словно частью меня. Да нет, мной был, чего уж там. Как и оружие мое, с которым мы в те секунды стали единым целым. Такая вот мистика со мной каждый раз случается, когда большое количество вражьей силы пытается меня на ноль помножить. Может, просто глюк это, а, может, дар, которому я уже много раз жизнью обязан. Впрочем, какая разница, что это? Главное, оно пока работает, и от меня большое ему за это человеческое спасибо.

Башка губастого мотнулась назад, автомат вывалился из лап хозяина и медленно так полетел вниз с высоты третьего этажа.

А я продолжал стрелять, одновременно вертеться на полу, словно детский «волчок» – старая игрушка, найденная мной как-то в Припяти. Потому что встать на ноги – это тоже время, которого у меня не было...

«Ярыгин» хорошая машинка. Прежде всего тем, что патронов в нем аж восемнадцать против восьми «макаров-

ских». Об остальных достоинствах и недостатках наиболее распространенных в России пистолетов можно спорить, но для меня количество патронов в магазине карманной артиллерии всегда решающее. Потому что, например, в моей ситуации – один против десяти – с «макаром» шансов выжить было бы ровно на десять патронов меньше...

Еще троих мне удалось срубить пулями с бетонных карнизов – в том числе и второго автоматчика – когда я услышал выстрел. Один. Оттуда, откуда не ждал. Вроде всех стрелков просчитал, выстегнул наиболее опасных...

Но с одним – просчитался.

Я его уже потом увидел, вышедшего из темного угла справа. Невысокого, жилистого, быстрого, в темном плаще за плечами. Увидел, когда он уже назад сдавал, обратно в тень прячься. Сволочь... Шаг вперед – выстрел – шаг назад. Это тебе не местная деревенщина. Так сработать мог только профи. Такая же опытная сволочь, как я сам. И если б я на полу не крутился, словно юла, тут бы он меня и сделал одним выстрелом. А так только ногу мне рвануло выше колена, и сразу тепло там стало. Когда кровь одежду пропитывает, сперва тепло чувствуется. И, если крупный нервный узел не задет, боль только потом придет. Сначала рывок и тепло. И мысль. «Твою мать... Приехали».

В этой ситуации думать ты можешь что угодно, главное – стрелять не переставай. Пока живой – двигайся, дерись, не сдавайся. Гарантированно убивают только остановившихся.

Что в прямом, что в переносном смысле...

Там, куда я выстрелил, жилистого уже не было. И смысла его высматривать – тоже. Больше он на глаза не покажется. Если не получилось с первого выстрела, уйдет в тень до тех пор, пока не представится удобный случай. Если, конечно, это охотник, для которого я – цель. Если нет – просто уйдет. Не вышло, да и ладно. Такие подставляться не любят...

Я думал и стрелял, еще двоим фатально испортив жизнь в процессе размышлений. Кто-то на бетонных карнизах навечно остался, кто-то вниз попадал, смачно шлепаясь на бетон навеки расслабившимся телом. А четверо оставшихся оружие вниз побросали и рухнули на бетон мордами вниз, вразнобой вопя во все горло: «Не стриляяй! Не надаааа!!! Сдаемсаяя мыыы!!!».

Грамотный ход. Мне их отсюда не видать, и повода стрелять вроде нет, ибо народ признал свою ошибку и больше не будет. Наверно. Откуда мне знать, что произойдет, если я встану с пола и повернусь к ним спиной? Но больше всего меня тот исчезнувший жилистый напрягал. Точно ли губастый был истинным командиром этой шайки? Уж больно грамотно продумана засада...

Но, с другой стороны, вечно на полу не проваляешься, вставать надо. Если, конечно, встанется – черт его знает, что с ногой. Если бедренный нерв перебит, или пуля в берцовую кость ударила, то с подъемом на ноги будут серьезные проблемы.

Для начала я перекатился влево с выходом на одно колесо. Раненая нога пока слушалась, но это ненадолго. Короткого взгляда хватило, чтобы понять – пуля пробила кожу и застряла в мясе. Не фатально, но через четверть часа нога станет как деревянная, и от потери крови я сам буду словно кукла-буратино с оборванными ниточками управления. То есть, никакущий. Поэтому надо срочно отсюда убираться, причем желательно без риска получить дополнительную порцию свинца в спину.

Поэтому я со сдавшимися уродами поступил вопреки всем существующим конвенциям. А именно – выдернул из разгрузки гранату и, сорвав кольцо, швырнул ее на карниз, свободный от выживших горе-стрелков. И для острастки заорал: «Ложись!», хотя и без того все лежали, кроме меня.

Была бы то боевая граната, меня б тоже посекло осколками как пить дать. Но напоследок Тимофей сунул мне в дареную разгрузку нестандартный с виду боеприпас, мол, может пригодиться. Нелетальная штука, но дыма и вони будет от души.

Оказалось, не обманул. Хлопнуло знатно, и немедленно помещение стало заполняться черным, вонючим дымом. Понятно. Несмертельный сюрприз с добавкой адамситы, отравляющего вещества раздражающего действия. Через десять-пятнадцать секунд выжившим будет точно не до меня, и за это время мне рекомендуется убраться подальше, если не хочу вместе с выжившими в этом доме плакать горючи-

ми слезами, одновременно захлебываясь в собственных соплях.

Я бросился к мотоциклу, поднял его, воткнул ключ в замок... Есть! Дальше уже привычный набор движений – стартер, сцепление, первая передача ногой вниз... Быстрее, еще быстрее, причем главное – не вдохнуть. Иначе вместо поездки отсюда и подальше будешь корчиться на полу вместе со страдальцами, обосновавшимися на карнизах.

Хорошо, что дверь мои пулеметы вынесли заблаговременно. Я вылетел из дома в клубках дыма, словно черт из загоревшейся табакерки. Вслед мне неслись проклятия, перемежаемые всхлипами и завываниями. Нет, все-таки, это не уродливые люди только что пытались меня подстрелить, а самые настоящие вормы... за исключением того коренасто-жилистого стрелка, который появился ни пойми откуда и сгинул в никуда, слишком быстро сделав и то, и другое, чтобы о нем забыть.

Хотя были у меня и другие поводы, чтобы задуматься. Причем более насущные, так как стрелок исчез, а проблемы – остались. Например, стремительно немеющая нога, колдобины на раздолбанной дороге, ведущей бес знает куда, сгущающиеся тучи, предвещающие нехилый дождь... А также запасная канистра с бензином, пробитая пулей возле самого дна.

Последнюю проблему я обнаружил, отъехав от городка километра три. Больше медлить было нельзя, ибо голова на-

чала кружиться не по-детски от потери крови. Пуля в ноге не лучший спутник для путешествий, и нужно было оказать самому себе элементарную помощь, ибо кто еще поможет тебе, если вокруг ни души?

Впрочем, если даже и толпа будет рядом, скорее всего, никто и не почешется. Постапокалипсис – синдром тотальный. Поражает не только города и страны, но и людей, причем часто живущих во вполне себе цивилизованных мирах, не познавших ужасов Последней Войны. «Это не твое дело», «не хочешь проблем – пройди мимо», «моя хата с краю»... В принципе, верные установки на выживание, оканчивающиеся знаменитым «падающего – подтолкни», следом за которым по логике вещей следует «человек человеку – волк». А потом уже и не впадлу ту самую пресловутую красную ядерную кнопку нажать, выкрикнув перед этим «да горите вы все в аду!». Так и начинается Апокалипсис – с той самой минуты, как кто-то прошел мимо нуждающегося в помощи...

Такие вот мудрые мысли бродили у меня в голове, пока я накладывал тугую повязку на бедро. Наложил, сел на мотоцикл... И понял: хрен я куда доеду, растеряв по пути минимум литр крови. И до Москвы мне теперь точно не дотянуть. Мой байк, конечно, машина замечательная, но бензин жрет как хороший танк. Конечно, две двадцатилитровых канистры спасли бы положение, но одна оставшаяся – увы. А бензин в этих местах, подозреваю, дороже золота.

Впереди виднелись какие-то бревенчатые строения – то

ли сарай, то ли дома, вросшие в болотистую землю чуть не по самые крыши. С виду вроде нежилой хутор. Дымка нет над полуразвалившимися трубами, скотина не мычит и не хрюкает, крысопсы не гавкают. Хорошо, если б нежилой. Мне бы перекантоваться хоть немного, рану осмотреть-продезинфицировать. Если получится, пулю достать. Городские вормы, надеюсь, в преддверии ливня за мной в погоню не пустятся, а там, глядишь, я уже и оклемаюсь маленько.

До строений я доехал. Даже нашлись силы загнать байк под дырявый навес и дотащиться до двери ближайшей хаты... которая сама собой распахнулась при моем приближении.

Я рефлекторно вскинул пистолет – и от резкого движения чуть не грохнулся мордой в грязь, едва равновесие удержал. Кровопотеря – штука подлая. В самый неподходящий момент накрывает тебя слабость нереальная. Будь ты хоть сам терминатор, фиг ты чего путного сделаешь, когда нет давления в системе, и руки-ноги трясутся от слабости, того гляди откажут.

Но стрелять не пришлось.

На пороге покосившейся избенки стоял древний, тощий дед в свободной серой рубахе, подпоясанной веревкой, холщовых штанах, и с седой бородой до пупа. Но больше всего меня поразили глаза старика. Молодые глаза. Пронзительные, словно в самую душу заглянул мне обитатель убогого домишки.

– Пистоль брось, – сказал он просто, будто продолжая давно начатый разговор со старым знакомым. – Тут он тебе без надобности.

Я спорить не стал. И «Ярыгина», естественно, не бросил, хоть и хотелось мне последовать совету старика. Скрипнув зубами, я сделал над собой усилие, и со второй попытки засунул в кобуру изрядно потяжелевший пистолет.

В глазах старика промелькнуло удивление.

– Вот значит как? – задумчиво протянул он. – Не слушаessi?

– Просто... не привык друзей бросать, – выдавил я, чувствуя, что еще немного, и я просто завалюсь на бок.

– Ага, – после недолгой паузы произнес дед. – Это хорошо, что не привык. И что в мертвых железках жизнь видишь, тоже хорошо. Может, сгодишься на что. Заходи, чего встал? У меня силов-то нетути тебя бугая в дом затаскивать.

И посторонился, мотнув бородой, мол, проходи, не задерживайся.

Ну, я и прошел. Смутило меня, конечно, дедово «может, сгодишься на что», но выяснять, на что может сгодиться старику полудохлый сталкер, сил не было. Впустил – и спасибо.

Внутри дом выглядел еще хуже, чем снаружи. Стол, стул, широкая деревянная лавка, потемневшая от времени, нештукатуренная деревенская печка, сложенная из кирпича, самодельные полки вдоль стен, заставленные разнокалиберными банками и бутылками. И самогонный аппарат в уг-

лу, собранный со знанием дела. Не две кастрюли и змеевик из гнутой медной трубки, как в деревнях обычно встречается, а солидная конструкция из нержавейки со встроенным термометром, барометром, каплеуловителем и еще какими-то хитрыми прибабасами, недоступными для понимания неспециалиста.

Но мне было глубоко параллельно, чем тут дед развлекается на досуге. Главное – есть лавка, где можно расположиться и заняться раной. Интересно, сколько мне времени дадут городские до того, как пустятся в погоню? Жаль, что тут дедок оказался, как бы его не пристрелили под горячую руку. Но до соседнего, явно нежилого сарая я уже не дойду. Хрен меня теперь кто от этой лавки оторвет без подъемного крана.

– Шел бы ты отсюда, папаша, причем чем дальше – тем лучше, – прохрипел я. – Тут за мной погоня может образоваться. Попадешься вормам под горячую руку – не помилуют.

– Ишь ты, деловой какой, – хмыкнул дед, запирая дверь на хлипкий крючок. – Меня из моего же дома гонит, раскомандовался тут. Это ты про городских ребятишек что ль, от них мне бежать надо? Щас, разбежался. Как бы им отсюда бежать не пришлось.

Я хмыкнул в ответ. Смелость стариковская штука известная, мол, пожилого не тронут, а, значит, можно борзеть в полный рост. Но это в цивилизованном обществе прокатывает, а тут цивилизация закончилась минимум двести лет на-

зад. Хотя мое дело предупредить.

Скинув рюкзак на пол, я уселся на лавку и принялся разматывать повязку, наспех наложенную прямо поверх штанины. Дед же остался стоять, прислонившись плечом к дверному косяку, глядя на мое занятие и бормоча себе под нос, ни к кому не обращаясь, будто думая вслух:

– Воин, значица. Крепкий, опытный. Темный был изрядно, помогли затемниться. А недавно осветлился. Вернее, осветлили через трендюли да красное Поле Смерти. Потом по Питеру прогулялся маленько. Надолго там ту прогулку запомнят, да и ты ее не забудешь. А теперь к ребятишкам в засадку попал, но ушел красиво. Шестерых подстрелил, значица, четверых траванул, как крысят. А чужак, что тебя пулей отметил, ушел. В другу сторонку, левее двинул, ага.

Я занимался своим делом, не обращая внимания на старицкую болтовню. Когда же снял повязку, вдруг дошло. Аж про рану забыл. Поднял глаза на деда, а от него прям будто свет какой-то идет... Впрочем, изба внутри тоже светилась немного. Потому что под потолком мох фосфоресцирующий прижился. Или же дед его туда каким-то образом прилепил вместо бесплатного электричества...

Но это все детали. Главное – в точку старик попал, и не один раз. Дело в том, что реально стоял ментальный блок в моей голове, давно стоял, сколько себя помню. Многие мне про него говорили, а помочь ничем не смогли. Гады-ученые в Припяти мои собственные воспоминания заглушили, а по-

верх них наложили чужую биографию, не мою, вкупе с навыками, сделавшими из меня машину-убийцу.

Но недавно в разрушенном войной Петербурге мне тот блок снял влегкую мутант-Оператор, за которым я шагнул в красное Поле Смерти. А после повоевать пришлось нехило, вместе с питерцами отбивая Петропавловскую крепость у захвативших ее мутантов. И реально забыть ту битву не получится никогда, в том числе, по причинам, о которых я запретил себе думать...¹

И с «ребятишками» дед угадал точно. И с чужаком, который меня подстрелил, не ошибся.

– Ты кто, отец? – тихо спросил я.

По крыше забарабанил дождь, но звук был какой-то странный. Словно через ватное одеяло слышал я удары капель. Да и сама избенка вдруг изменилась. Будто сквозь толстое стекло видел я предметы, слегка, совсем чуть-чуть изменившие форму, и оттого казавшиеся нереальными, словно нарисованными на обратной стороне того стекла. И фигура старика слегка поплыла, размыло ее немного. Только глаза деда я видел четко, будто жили они отдельно от нарисованного тела...

– Что тебе в моем имени, странник? – раздалось в моей голове. – Ты лучше приляг, отдохни. Устал же.

– Устал, – признал я, беспрекословно подчиняясь. Да я,

¹ Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Кремль 2222. Петербург».

честно говоря, и не понял – подчинился я, или само собой вдруг так случилось, что лежу я на лавке и гляжу в потолок, сквозь который просвечивают далекие звезды...

– Ну и лежи. А я пока гляну, что у тебя внутри. Красное Поле, оно только мясо изменяет, на костях нарощее. Думаешь, помолодел маленько, и требуха твоя другой стала? Не, ошибаесси.

Расплывчатая фигура нависла надо мной облаком серого тумана, в котором совершенно отдельно от нее плавали руки. Худые, перевитые венами, словно обрубленные у локтей туманными клочьями, смутно напоминавшими рукава свободной рубахи.

Эти руки опустились вниз, и я почувствовал тянущую боль в области живота. Терпимую, но неприятную настолько, что я невольно попытался поднять голову. Получилось не сразу, будто протаскивал я ее через некую плотную субстанцию, аж шея заныла от напряжения. Но от того, что я увидел, мышечное нытье как-то сразу забылось.

Камуфляж на мне был расстегнут, это я точно разглядел, хоть картинка и была слегка размытой. А вот руки, торчащие из тумана, я видел четко. И сейчас они деловито ковырялись у меня в животе, причем делали это довольно свободно, будто не в живую плоть погрузились, а в густой кисель.

Я хотел что-то сказать, дернуться – но не вышло. Тело словно одеревенело. Ни рукой шевельнуть, ни ногой, ни языком. Как та собака из анекдота – все понимаю, а сказать не

могу.

– И не надо, – умиротворенно произнес голос, словно прочтя мои мысли. – Наговорисся еще. Смотреть – смотри, это можно. А все остальное только мешает. Что сейчас, что по жизни. Я вот тоже грешен, поговорить по-стариковски люблю, а не с кем особо. Деревья, ветер, река меня понимают, но отвечают редко. Не надо это им, без болтовни живут. И правильно делают. Это только мы, двуногие, языками мелем попусту, а договориться не можем. Лучше б молчали, глядишь, и Последней Войны не случилось бы...

Надтреснутый старческий голос поскрипывал в моей голове, а чужие руки продолжали плавать внутри меня, будто две коряги в половодье, на две трети погружившиеся в мутную воду. Наконец, нащупав что-то, потянули... и вытащили большой темный шмат, похожий на здоровенную мертвую медузу без щупалец, вымоченную в кленовом сиропе.

– Н-да, – задумчиво протянул голос. – Хреновая печень. Да, да, знаю, не говори ничего. Водку поганую пил, типа, от радиации спасался. И не только водку. Много гадости через нее прогнал. Конечно, по-хорошему, поменять бы ее, но не на что. У всех тут такая же, если не хуже. Ладно. Самогончиком промою хорошенько, еще послужит. У меня самогон целебный, на травах. Всю хворь-пакость из тела выгоняет. Но напрямую промыть завсегда лучше, чем месяц им отпаиваться.

Откуда-то появилась стеклянная лохань, наполовину за-

полненная мутноватой жидкостью, куда и отправился темный шмат. Руки деловито полоскали его, теребили, как хорошая хозяйка отстирывает грязную рабочую спецовку, потом отжали. Жидкость стала мерзко-бурого цвета, в ней плавали какие-то ошметки. А шмат стал заметно светлее.

– Ну вот, порядок.

Руки проворно запахали печень обратно, но на этом процесс не закончился. Следом поочередно были извлечены почки, похожие на большие картофелины. Из одной руки вытряхнули камень величиной с лесной орех, из другой еще несколько штук, но поменьше. Потом настала очередь желудка, в котором руки ковырялись довольно долго, выскребая ногтями гастрит. Во всяком случае, так пояснил голос, сетуя при этом на беспорядочное житье всяких бродяг, которые себя не жалеют и жрут все, что ни попадя.

Все происходящее было похоже на мутный, невнятный сон с неплохой детализацией отдельных фрагментов, в котором ты вроде видишь что-то из ряда вон выходящее, но не удивляешься. Кто ж удивляется во сне? Правильно, никто. Может, только по пробуждению, типа, ну надо же, приснится ж такое...

Вот и я, отбросив попытки пошевелиться, воспринимал происходящее спокойно. Правда, через некоторое время мне уже порядком надоело рассматривать петли собственных кишок, которые руки деловито перебирали, мимоходом оторвав аппендикс и выбросив его в лохань. И я рискнул поду-

мать о своей ноге.

– А, ну да, мелочи я как всегда забываю, склероз, – посетовал голос. Левая рука слегка отдалилась, легко вытащила что-то из моей ноги, будто косточку из ломтя арбуза – и выронила. Где-то бесконечно далеко внизу раздался слабый стук.

– Ну вот, потерял, – посетовал голос. – Ну и хрен с ней, не больно надо. Так, ну, сердце с легкими вроде в порядке – это потому, что не куришь, как некоторые. Теперь крови в тебя влить маленько – и порядок. Где-то у меня было... Ага.

В руках появилась трехлитровая банка с затертой этикеткой «Колхоз “Путь к коммунизму”». Сок березовый», которую руки бережно поставили рядом с лоханью. Правда, не прозрачный сок был в той банке, а вязкая жидкость цвета перезрелой вишни...

– Теперь помоги-ка мне немного, – сказал голос.

Откуда-то в моих пальцах появилась большая пластиковая воронка, в носик которой руки проворно всунули какую-то гибкую трубку... Ну да, конечно, не трубку, а, похоже, аорту, вытащенную из моей груди. Потом над горлышком воронки повисла банка, из которой тягучей струей полилась темная жидкость...

А потом как-то смешалось все. Воронка, банка, перевитые венами руки, ее держащие... Туман сгустился, и странный сон, смахивающий на горячечный бред, растворился в нем, как исчезают в утренней дымке смутные образы отдаленных

предметов, которые вроде бы и были, а вроде б и не было их никогда...

* * *

Не люблю я пробуждение с похмелья. Голова как колокол, пустая и тяжелая. Во рту будто кошки ночевали. Руки-ноги свинцовые... А при мысли, что придется открывать глаза, да еще и вставать, возникают мрачно-суицидальные мысли.

Первой мыслью было: «опоил проклятый дед до белочкиных глюков»... Второй – что и не помню уже, пил ли чего, или даже пробку не нюхал. Третьей: «твою мать, я же ранен! И, кстати, не исключено, что уже помер от острой кровопотери». Интересно, на том свете после смерти ощущения такие же, как с тяжелейшего бодуна, или все-таки помягче?

– Если проснулся, то чего валяесси-то? – раздался знакомый голос.

Я с усилием разлепил губы, но не веки.

– Думаю.

– Небось, хрень какую-нить думаешь, – предположил голос. – Вставай уже, жратва остывает.

При мысли о еде желудок призывно дернулся. Ну да, организм отчаянно желает калорий, и плевать ему на то, что я вставать не хочу. Ладно, придется напрячься.

Я осторожно открыл глаза, всерьез опасаясь увидеть полупрозрачную крышу и клок тумана с торчащими из него

человеческими руками.

Ожидания не оправдались.

Я лежал на жесткой лавке в нищей, прокопченной избе, а за столом сидел давешний старикан и длинными, растрескавшимися ногтями сдирал шкурку с печеной картофелины. Получалось у него это довольно ловко, даже быстрее, чем я ножом бы справился. Чувствовалась многолетняя сноровка.

Помимо стариковских локтей, на столе стояла глубокая алюминиевая миска с картошкой, надорванная бумажная пачка с надписью «Поваренная каменная пищевая соль», высокая бутылка с мутноватой жидкостью и два граненых стакана советских времен.

– Ну, наконец-то, – произнес дед, макая в соль картофелину, после чего откусил от нее порядочный кусок крупными, не стариковскими зубами. – Красиво спать не запретишь.

– И долго я... красиво спал, – осведомился я, спуская ноги с лавки и морщась от боли, плескавшей в моей голове, словно жаба в аквариуме.

– Двое суток, и еще маленько. Чего призадумался-то? Снедать иди, потом подумаешь. Тухлое это занятие, на голодное брюхо мысли в башке гонять.

Со стариком трудно было не согласиться. Поэтому я встал, сделал два шага...

Так. Я ранен или где? И если или где, то почему хожу, будто здоровый? За двое суток огнестрелы не лечатся.

Я с опаской опустил глаза. Если я действительно бухал

до синевы, то боль могло приглушить. Правда, я не слышал, чтобы при этом простреленная нога вела себя как здоровая.

Но выяснить, как там дела с моим бедром, не удалось. На мне были холщовые штаны, застиранные и выношенные чуть ли не до состояния марли. Тем не менее, разглядеть что-либо сквозь переплетения ниток, перемежаемых заплатками, было нереально.

– Штаны не нравятся? – осведомился дед, берясь за вторую картофелину. – Ну, не обессудь, твои все изгвазданные были и дырявые, пришлось девкам в слободе отдать, чтоб постирали и залатали. Пожрешь – переоденешься, а то мои запасные портки с рубахой и так на ладан дышуть.

От мысли, что на мне сейчас дедова одежда, меня слегка перекосило. Но внутренне. Вида я не подал, ибо нечего обижать хозяина, который тебя за стол зовет. Лучше аккуратно выяснить, что тут произошло за те два дня, которые я красиво провел, давая массу на широкой лавке.

Между тем хозяин сплюнул на пол кусочек картофельной шелухи, взял бутыль и щедрой рукой наполнил стаканы до краев.

– Ну, давай, воин, вздрогнем, чтоб голова не болела, а душа – запела.

Я с сомнением глянул на стакан. Насчет головы это дед в самую точку, гудела она знатно. Но, боюсь, с четверти литра самогона, употребленного на голодный желудок, я запросто могу еще на двое суток выпасть из реальности.

– Давай, давай, не сумлевайся, – сказал дед, пододвигая ко мне граненую емкость. – Он на травах, а у нас тут такие травки растут, что любую хворь разом излечат. Залпом закидывай, и закусить потом не забудь.

Пить я умею, но не люблю. Но тут отказать было почему-то неудобно. Может, потому, что на одной из полок увидел я чисто вымытую банку с этикеткой «Березовый сок» и рядом с ней – воронку с широким горлом. А еще возле лавки на полу рассмотрел я тщательно замытые темные пятна, которые если специально не приглядываться, то и не заметишь. Короче, взял я тот стакан и вылил в себя его содержимое, как и рекомендовалось, не глотая, словно в пустой бурдюк опрокинул.

И не ошибся. Такое глотать – это гарантированно горло сжечь напрочь. Будто раскаленной лавы порцию хватанул. Пищевод опалило так, что аж слезы выступили, а желудок лишь дернулся от неожиданности, после чего скорбно провис книзу, сожженный напрочь. Во всяком случае, ощущение было именно такое.

В общем, я сидел не в силах пошевелиться, мысленно готовясь с минуты на минуту отправиться в печальные чертоги Сестры, а дед лишь хихикнул, вытащил из миски картофелину и протянул мне.

– Закусывай, чего глазами хлопаешь? Эх, молодежь городская. Это вам не водку паленую в ваших городах хлестать. Это чистый продукт, на травах да на меду.

Желудок вяло дернулся, словно подавая сигнал – живой я еще, хозяин. Пока что. Потом дернулся еще раз, сильнее, действительно требуя пищи. Вот оно как оказывается...

Картофелина оказалась нереально вкусной, не то что импортное генномодифицированное мыло в форме картошки, которое продавали в супермаркетах моего родного мира. Я ее вообще без соли умял, и немедленно принялся за вторую.

– Ну и нормально, – хмыкнул дед. – Жить будешь. А на ребятишек, что тебя в засадку заманили, не сердчай. Им тоже как-то выживать надо. Они от шоссе себе отвод асфальтовый сделали, и ежели кто впервой едет, непременно попадетя – поворот они дерном да крыш-травой замаскировали аж на целый километр. Ты в этом сезоне первый, кто сумел вырваться, такие дела...

– А были еще те, кто вырвался? – поинтересовался я, макая в соль надкушенную картофелину.

Дед призадумался.

– В прошлом годе не, не было, все полегли. А в позапрошлом да, было. Целый отряд прорвался. Но то муты были на моторциклах, как у тебя, на людей похожие, только морды собачьи. Они потом много тут катались, но больше не попадались, загодя поворачивали где надо.

– Понятно, – кивнул я. – Хорошие у тебя травки. И лечение хорошее. Нога как новая.

– Это да, могём, – хмыкнул старик. – Так оно завсегда проще, чем по живому резать. Точку сборки повернул маленько,

сдвинул, будто гайку ржавую, и чисти человека, словно решето забившееся. В старину токо так и лечили. Больниц да госпиталев не было, а люди были здоровее нынешних в разы. В каждой деревне почитай жил тот, кто умел такое. Оттого и слово «врач» на Руси и пошло, то есть, человек, точку сборки умеющий поворачивать.

Я многое слышал про народных целителей, хилеров и других детей природы, умеющих творить чудеса, но, признаться, не верил. Оно всегда так – пока сам не ощутишь на себе чужие таланты, никогда не поверишь, что подобное возможно. Я – ощутил. Но моя рациональная часть сознания все равно протестовала – сон это был, а дед просто гипнотизер и сказочник. Пулю вытащил, пока я валялся в коматозе, а теперь лапшу на уши вешает про древние чудеса в духе Карлоса Кастанеды.

Впрочем, как бы оно не было на самом деле, старику полюбому спасибо. Нога полностью восстановилась, головокружения и других симптомов острой кровопотери не наблюдалось, а самогон его не столько опьянил, сколько, наоборот, придал сил. Заточив третью картофелину, я уже украдкой поглядывал на дверь – общество разговорчивого старика, признаться, стало меня слегка напрягать. Я, конечно, парень вежливый, но гостеприимный дед, судя по всему, мог трепаться сутками, а мне все-таки хотелось добраться до Москвы, по которой я, признаться, успел соскучиться. Да и не только по ней...

– Ладно, вижу я, тебе на месте не сидится, – проворчал дед, перехватив мой взгляд. – Щас принесу твоё барахло, и двигай себе туды, куда до этого направлялся.

Кряхтя, старик поднялся со стула, откинул невидимую с первого взгляда крышку подпола и полез туда, костеря по пути современную молодежь, которая ни хрена себя не бережет и постоянно ищет приключений на свою задницу.

Наконец, мое имущество было извлечено из тайника, включая добросовестно выстиранный и заштопанный камуфляж. Правда, кожаный мешок с золотом, который я реквизировал на базе Черного Шака, стал легче чуть не вдвое.

– А чего ты хотел? – дед поднял вверх седые брови. – Баб, что твои шмотки стирали да чинили, надо было отблагодарить? Надо. Ребятишкам городским, чтоб не проказничали да от тебя отстали, нужно было монеток отстегнуть? Нужно. Ну и вот.

– Ладно, – кивнул я. Так даже лучше, не люблю быть кому-то обязанным. – Как я понимаю, себя ты тоже не забыл. Значит, мы в расчете?

– Не совсем, – покачал головой дед, вмиг став предельно серьезным. – Тут ты ошибся, милок. Мне твоего золотишка не нужно, у меня и так все есть. А вот Долг Жизни придется тебе отработать.

Я, поднявшись было с лавки, сел обратно. Хочешь, не хочешь, но Долг Жизни в любой из Зон – это святое. Забудешь о нем, вмиг личной удачи лишишься, и умрешь плохо и

больно. Чаше в какой-нибудь аномалии, любящей переваривать добычу заживо, причем делать это медленно, со вкусом, помимо процесса утоления голода наслаждаясь эманациями ужаса и страданий, испускаемыми обреченной жертвой.

– И что от меня требуется?

– Немногое, – сказал старик, беря с полки крохотную деревянную коробочку. – Отнеси это князю новгородскому и отдай лично в руки.

Я прикинул в памяти карту, которую углем начертил для меня Тимофей на кирпичной стене Петропавловской крепости. Память у меня хорошая, большего не требовалось. Ну да, Великий Новгород как раз на пути в Москву, так что просьба старика не показалась мне чем-то запредельным.

– Ладно, сделаю, – сказал я, забирая коробочку, неожиданно показавшуюся довольно тяжелой. – Это все? Отдам, и Долг спишется?

– Я ж сказал, чего неясно? – проворчал старик. – Сделаешь – и свободен. На запад езжай по тропинке, и не оборачивайся, а то худо будет. Как асфальт увидишь, так это шоссе и будет прямое до самого Новгорода. Не останавливайся нигде, там по пути деревни гиблые. Тормознешь – пропадешь. Ладно, всё. Поел, попил, теперь переодевайся, возвращай мои шмотки, и проваливай, недосуг тут мне с тобой.

Я не принял в ущерб сказанное довольно сварливым тоном. Старость склонна к обидам на пустом месте и перемен настроения без каких-либо объективных на то причин.

Поэтому я быстро сбросил с себя чужую одежду, подивился немного отсутствию шрама на месте входного отверстия пули (хотя подсознательно ожидал чего-то подобного, на то оно и чудо), облачился в свой «лиственный лес» и вышел из избы.

Мотоцикл мой стоял практически там же, где я его и оставил под дырявым навесом. Разве что, может, чуть левее. И чище, чем был. Ни грязищи, налипшей на колесах и крыльях, ни моей крови на педали тормоза и выхлопной трубе. Если это входит в оплату, то большое дедушке спасибо. Еще бы бензина где раздобыть по пути, вообще все было б волшебю.

В общем, сел я на свой байк, завел его и поехал куда было сказано. То есть, на запад по узкой тропке, на которой едва помещались широкие колеса моего мотоцикла. Однако отъехав всего ничего, не удержался и глянул в зеркало заднего вида... И не увидел ничего. Удивившись, притормозил, взгляделся... Бесполезно. В треснувшем зеркале лишь клубился туман, которого минуту назад не было и в помине.

Очень захотелось оглянуться, но я пересилил себя. И дед говорил, что не нужно этого делать, и вообще любой сталкер знает – плохая это примета. Так что я просто аккуратно прибавил газ – хоть тропинка и ровной казалась, но лучше не рисковать.

Кстати, справа и слева от нее насколько хватало глаз растилалось самое натуральное болото, с кочками, зарослями

камышей и невеселыми признаками «живой» топи. По пути мне попались:

– прогнивший насквозь остов «Спайдера», задравшего облезлый манипулятор к хмурому небу Зоны,

– скелет то ли человека, то ли ворма, обнявший ржавый винтовочный ствол,

– полузатопленный череп жука-медведя, из глазницы которого настороженно выглядывала двухголовая змея,

– и вполне себе прилично сохранившаяся водокачка, торчащая из болота, словно назидательно поднятый кверху палец кирпичного великана. Странное явление, абсолютно не вписывающееся в ландшафт – что, впрочем, характерно для любой Зоны любого из миров.

Впрочем, особо разглядывать местные достопримечательности у меня желания не было. Зазеваешься, съедешь с тропы пусть даже совсем чуть-чуть, и сам станешь достопримечательностью, навеки захваченной жадным болотом. Которое, кстати, было не настолько бескрайним, как могло показаться с первого взгляда.

Километров через пять болотистая почва сменилась серой травой Зоны, что обычно покрывает твердую землю, а не гигантскую природную ловушку. И почти сразу невдалеке я увидел несколько черных труб, уныло торчащих на фоне серого неба.

Понятно. Сгоревшая деревня. Или сожженная. Первое могло произойти от естественных причин. Второе – только

с чужой помощью.

Я от природы человек нелюбопытный, тем более, не любящий копаться на пепелищах с целью узнать, кто это тут так от души постарался. Во-первых, и так понятно, что оно свежее, вон еще дымок курится над черными останками деревянных домов. Во-вторых, запах горелого мяса ни с чем не спутаешь. Значит, жгли село вместе с жителями. Вполне достаточно информации для того, чтобы объехать пепелище по дуге, дабы не тревожить зыбкий покой недавно усопших. И так ясно, что живых на месте пожара не осталось, значит, и делать там нечего.

Впрочем, особо широкой дуги не вышло бы по-любому. Подъехав ближе, я увидел широкую полосу относительно неплохо сохранившегося асфальта, проходящую прямо через центр пепелища. И объехать мертвую землю, пропахшую дымом и смертью, не получится. Справа от шоссе вновь начиналась полоса болотистой местности, а справа земля вся была словно перекопана экскаватором – пласты глины вперемешку с дерном и кусками изломанной древесины. Даже представить сложно, кто или что так могло поиздеваться над почвой. Ладно. Получается, дорога одна – напрямки через сгоревшую деревню.

По идее, ничего страшного. Ну пепелище, впервой ли такое видеть? Все, что было тут живого, стало жирной сажой, которую ветер брезгливо шевелит на обочине. Подумаешь, большое дело на скорости меж черных печей промчаться?

Но сталкерская чуйка подсказывала мне, что не все так просто. Что обманчива тишина, что не случайно не кружатся над этим местом вороны, и ни один любитель падали не прибежал на запах паленого мяса...

Но выбора у меня не было. Дорога на запад, лежащая прямо передо мной, – либо повернуть обратно в Питер. Там, конечно, мне обрадуются, после чего наверняка спросят о том, почему вернулся. Ну, я и отвечу, мол, через сгоревшую деревню проехать испугался, в которой никого живых не осталось...

М-да, смешно. Тем более, что возвращаться я не собираюсь. У меня там, на западе, важное дело есть – взглянуть в глаза девушке Маше, которую я так долго звал «Сорок Пятой», не догадываясь, кто она на самом деле. Может, потому и не ладилось у нас, что она знала, но не говорила, а я не знал, и знать не хотел. Она стеснялась сказать, что после пережитого поменяла внешность полностью, надеялась, что я догадаюсь. А я – что я? Я как все мужики. Чурбан бесчувственный, и вдобавок – с ментальным блоком в башке. Который мне Оператор снял в красном Поле Смерти, после чего я разрешил себе догадаться²...

Я не чувствовал в себе вины за то, что ушел, когда услышал, как она поет нашу песню другому. Тому, другому, эта песня тогда была нужнее чем мне, как путеводная нить Ари-

² О том, как Оператор снял Снайперу ментальный блок, можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Петербург» литературного цикла «Кремль 2222».

адны, по которой он мог найти путь из мира смерти обратно, в мир живых. Но сейчас, когда я всё вспомнил, мне нужно было еще раз увидеть ее глаза цвета единственного в мире артефакта. Нужно – и всё тут, хоть убейся. Зачем? Не знаю... Зачем мужики снова и снова наступают на одни и те же грабли, надеясь, что не получат при этом еще один сокрушительный удар в душу? Или по душе, не знаю, как сказать правильно... А, может, это своего рода мазохизм – идти навстречу губительному чувству, заведомо зная, что будет плохо и больно?

Впрочем, это свойственно нашему брату. Мы и на войну так ходим, как в омут головой, понимая, что могут и ранить, и убить, и калекой на всю жизнь можно остаться, что хуже смерти в разы. Но идем, наступаем на старые грабли и смертоносные мины, стискиваем зубы, и идем снова, начиненные осколками разбитых чувств, с разорванными в локуты сердцами и душами, идем все равно. Потому что не можем иначе. Потому что мы – мужики, и этим все сказано...

Удивительно, как прямо в моей ладони ручка газа не рассыпалась, так сильно я ее сжал, аж пальцы заныли. Ну да, для того, чтобы совершить безумный поступок, иногда надо себя накрутить, в чем я сейчас преуспел значительно. Сталкерская чуйка внутри меня выдавала уверенный красный сигнал, но когда нет вариантов, порой приходится идти против нее... Интересно, много бывалых сталкеров выжило после того, как наплевали на свое тренированное предчувствие бе-

ды?

А вот это мы сейчас узнаем...

Мотоцикл взревел, срываясь с места. Для такой машины проскочить пепелище длиной в полкилометра – раз плюнуть. Так что будем надеяться на...

Внезапно обугленная печь слева от дороги взорвалась, будто в закопченную трубу кто-то невидимый скинул связку гранат. Осколки кирпича хлестнули по дороге, по мотоциклу, по моему шлему, один ударил в плечо. Но это ерунда. Могло быть и хуже, если б я заранее почти не лег на руль, практически слившись со своим байком. Вот так потихоньку вырабатываются навыки правильной езды по Зоне. Хотя порой и они оказываются бесполезными.

На том месте, где только что стояла печь, торчало толстое щупальце метров десять в высоту. Толстое, черное, осклизлое, с присосками и отростками по всей длине, похожими на ветки дерева... Нет, не на ветки. На человеческие руки и когтистые лапы, в неистовой ярости хватающие воздух... Пока что воздух...

Все это мгновенно отпечталось в моей голове, как всегда бывает со многими сталкерами-ветеранами в экстремальной ситуации. Не умеешь моментально оценивать опасность, значит, не сегодня, так завтра погибнешь, зазевавшись, словно необстрелянный молокосос-«отмычка», годный лишь для похода в ближайшую аномалию.

В следующее мгновение я буквально «положил» мото-

цикл на землю, уходя от страшного удара гигантским щупальцем. Я не профи, водить байк таким манером специально не обучался, просто иного выхода не было. Все произошло на рефлексках, которые по-любому проснутся, если жить захочется.

Думаю, мне бы однозначно раздавило ногу тяжелым мотоциклом, если б не мощные стальные дуги, приваренные по бокам для защиты седока и пулеметов. Байк просто лег на эти дуги, взревев мотором, я же скатился с него, одновременно срывая с плеча «Вал».

Промахнувшееся щупальце тяжело поднималось с земли, всё в саже и налипшем мусоре. Оно и понятно, падать всегда проще, чем подниматься, что в прямом, что в переносном смысле. Тем более, что масса у этой хрени была нехилая. Чем я и воспользовался, принявшись планомерно очередями полосовать осклизлую гадость возле самого основания. «Вал», доработанный Кузнецом в чернобыльской Зоне, стрелял абсолютно бесшумно, и я успел сменить два магазина, пока тварь осознала, что с ней происходит нечто неординарное. Видимо, болевой порог подземного монстра был практически нулевым, и это сослужило мне хорошую службу. Патронов у меня – спасибо питерцам – было предостаточно, поэтому я стрелял не останавливаясь, лишь меняя пустые магазины на полные.

Земля вокруг основания щупальца была уже вся забрызгана темной кровью и ошметками плоти, когда тварь издала

жуткий крик. Вой не вой, писк не писк, а что-то страшное, резанувшее по нервам, словно пилой.

«Инфразвук», – мелькнула мысль, прежде чем я успел подхватить автомат, едва не выпавший у меня из мгновенно вспотевших рук. Помимо этого у меня моментально заложило уши, жутко заболели глаза, и темный, панический ужас начал стремительно подниматься от солнечного сплетения, заполняя меня вязкой чернотой, словно пустой сосуд. Во всяком случае, ощущение было именно такое. Еще немного, и я, бросив оружие, побегу куда глаза глядят...

«Понизит воздействие до семи герц – и ты сдохнешь. Уже понижает...» – пришла вялая мысль, основанная на курсе по звуковому оружию, что я прошел в какой-то из двух своих жизней, о которых помнил теперь все досконально. Какая-то из них настоящая, какая-то – чужие наложенные воспоминания. Впрочем, какая разница... Сейчас не думать надо. Сейчас нужно совсем другое.

И я закричал. Заорал в ответ, раздирая рот в диком вопле, во всю мощь своих легких, глуша вой inferнальной твари, выворачивающий меня изнутри. Наверно, так ревели наши далекие предки, идя на пещерного медведя с копьём в руках, безумным криком глуша в себе первобытный ужас. Так и я орал, продолжая полосовать горячим свинцом плоть невиданной твари.

И она сдалась. Дернулась напоследок, хлестнула в мою сторону щупальцем, не достала – и нырнула обратно в зем-

лю, как прячется в свою нору раненный и напуганный моллюск. Теперь понятно, почему от домов остались одни головешки. Может, сами жители подожгли их, надеясь поджарить этот кошмар, вылезший однажды из-под земли посреди деревни. А, может, какой-то вооруженный отряд прошелся по зараженному селу из огнеметов. Второе, кстати, вероятнее – уж больно тотальным было пожарище, даже земля сплошь черная, будто ее жгли наравне с домами. Но – не помогло. Чудовище не погибло, лишь спряталось поглубже, чтобы в удобный момент снова вылезти на охоту...

Мои размышления прервала резкая боль в плече, будто его каленым железом прижгли. Я судорожно дернулся, скинул куртку...

Вот черт! В горячке битвы я не заметил, как кусок чужеродной плоти зацепился за мою камуфлю. И прожег его насквозь. Похоже, детская пятерня, полуоторванная пулей от щупальца. Когда же оно дернулось в последний раз, шмат отравленного мяса оторвался от основания и, прикипев к камуфляжу, прожег его насквозь.

– Твою дивизию, – прошипел я, хватая флягу с водой. Только подновился в красном Поле Смерти, от шрамов избавился – и на тебе, новый. Судя по тому, как оно болит не по-детски, похоже, третья степень обеспечена, с некрозом кожи и прочими прелестями. И выход только один...

В общем, плеснул я водой на ожог, потом быстро вскрыл маленький тюбик с содой, что был в аптечке, и, высыпав его

прямо на рану, снова залил сверху водой.

Зашипело, запузырилось. Боль стала просто адской, но что делать? Нейтрализовать действие неведомой кислоты как-то надо, вот и делаем, что умеем. Теперь промедол подкожно из той же аптечки, чтоб от боли не вырубиться, двойную дозу антибиотика, снова водой сверху, смыть образовавшуюся черную гадость – и быстрее к мотоциклу, пока проклятое щупальце снова из земли не вылезло.

Завести байк и выехать из опасной зоны, за границу деревни, получилось без проблем. Перевязку я сделал только отъехав километра два от места происшествия. Блин, какой только пакости не встретишь на зараженных землях... Кстати, интересно – остались ли вообще после той войны на планете незараженные земли?

Вопрос риторический. Пока что в этом мире я таких не встречал. Правда, здесь, вдали от крупных городов, по которым наиболее интенсивно долбили ракеты противника, можно встретить и чистую воду, и даже зеленую траву без мертво-серого оттенка. И ключи с родниками встречаются гораздо чаще, чем в постъядерной Москве или Питере. Природа восстанавливается потихоньку, и есть надежда, что со временем планета возродится вновь. Главное, чтобы к тому времени люди не восстановили смертоносные технологии, и не стали вновь выяснять, у кого ядерные грибы получаются выше и развесистее.

Перевязав ожог, я вскрыл банку консервов и с ножа наел-

ся тушенки, восстановленной в красном Поле Смерти. Есть что-то в этом, с ножа консерву заточить. Кто не пробовал, объяснять бесполезно. Вкуснее это однозначно, не знаю почему, но факт. Главное не пробовать тому, кто ножом владеть не умеет – можно увлечься и пасть располосовать так, что потом по жизни ухмыляться будешь как известный литературный герой Виктора Гюго.

В общем, закусил я, и погнал по шоссе, добротню укрепленному крыш-травой. Даже непонятно, чего больше в нем было – асфальта, или травы, пронизавшей дорогу насквозь. Эдакая сетка серо-зеленая получилась. И красиво, и жутковато немного, будто по гигантской змее едешь, уходящей за горизонт. Впрочем, это жуть так, подсознательная, на которую особо внимания и не обращаешь. На то он и постапокалипсис, чтоб быть жутким, давить тебя постоянно мрачной безысходностью...

Особенно это заметно вне населенных пунктов, когда один мчишься по дороге, отмечая на обочинах покосившиеся дорожные знаки с названиями деревень и деревушек, от которых лишь одни названия и остались. За двести лет заросли травой и бурьяном места, где некогда стояли вдоль дороги бревенчатые домишки. Сожрали жилища людей гниль да древесные паразиты, а болотистая земля поглотила без остатка то, что осталось. Лишь на стальных столбах, словно таблички на могилах, все еще ржавели указатели, на которых порой можно было различить надписи: «Большое Опочива-

лово», «Трегубово», «Спасская полисть»...

Причем в основном почему-то сохранились знаки, на которых названия были перечеркнуты диагональной чертой. Н-да, в свете настоящего момента название знака «Конец населенного пункта» звучит удручающе. Но что поделаться? Природа, как и человек, прежде всего пожирает слабого, и маленькие деревушки – не исключение. Если же ничего не изменится, пройдет еще пара сотен лет, и на месте Москвы с Питером тоже будет голое поле с, возможно, уцелевшими дорожными указателями, на которых сохранятся названия улиц, которых больше нет. Любому сталкеру известно – у любой Зоны своя жуткая ирония, и от нее порой жуть продирает до костей похуже, чем при виде самого страхолюдного монстра...

Впрочем, не все придорожные деревни исчезли без следа. Та, что расположилась впереди по курсу, была вполне себе обитаема. Такой вывод я сделал на основании двух уцелевших столбов электропередачи, что торчали возле простреленного пулями дорожного указателя с названием населенного пункта «Мясной бор». Столбы были когда-то на совесть выкрашены зеленой армейской краской, от которой жуков-древоточцев тошнит хуже, чем алкашей с перепоя паленой водкой. На перекрестиях тех столбов давно отсутствовали керамические изоляторы – небось, местные упражнялись в меткости – зато сохранились обрывки проводов, правда, выполняли они в настоящее время иную функцию, чем

ранее.

На проводах, примотанных к перекрестиям, болтались тела в разной степени разложения. По два трупа на каждый столб, итого четыре. Хоть и сложно было разглядеть, кого именно казнили местные, но я с определенной долей уверенности мог сказать, что один из трупов вполне мог быть дампом, судя по обилию тряпок, в которые было упаковано тело. Даже вездесущие вороны не смогли распаковать клювами плотно замотанную мумию, только плоть сожрали с черепа, и теперь он приветственно скалился навстречу возможным гостям со стороны Петербурга.

Чуть дальше дорогу перегородили деревянные рогатки, на которые были насажены черепа, почерневшие от грязи и застывшей крови – похоже, их специально мазали ею для усиления устрашающего эффекта. Разные черепа. И нео, и осмов, и, само собой, человеческие. Последние – в неоспоримом большинстве, ибо добыть череп нео или осма значительно сложнее, чем у хомо сапиенса его разумную башку с плеч смахнуть.

Справа и слева от рогаток возвышались две огневые точки – если можно было так назвать кучи, сложенные из бетонных обломков. Видно, что возводили их непрофессионалы, тем не менее, вдарить из них могли чем угодно – когда не знаешь, на что способен противник, лучше не выпендриваться.

Ну, я и не стал. Притормозил, снял шлем, положил его в одну из переметных сумок из толстой кожи, пристегнутых

по бокам длинного сиденья, и слегка нажал красную кнопку на приборной панели. Совсем чуть-чуть, только лишь чтоб блоки стволов моих «миниганов» начали вращаться. Чуток кнопку дожать, и свинцовый ливень разнесет рогатки к чертям собачьим.

Однако переть напролом не хотелось. Во-первых, из бетонных завалов могли с флангов обстрелять. И, во-вторых, не нравилась мне дорога за рогатками. Будто заплаток на асфальт кто понаставил. Уж больно та аппликация смахивала на небольшое такое, неаккуратное, кустарное, можно сказать, минное поле. Через которое ломиться по прямой ну очень не хотелось.

Стою я, значит, порывиваю мотором, стволы угрожающе гудят, в общем, крут и грозен до безобразия. А из бетонных куч никто не вылезает. Сволочи. Ждут. Чего ждут? Когда у меня терпение лопнет, и я сам заеду в ловушку? Или какой-нибудь хитромудрый хрен с оптикой ловит сейчас в перекрестие мою переносицу? Так это он зря. Я ж линию выстрела по-любому почувствую, и очень постараюсь первым среагировать. Как – не знаю еще, но среагирую точно, причем таким образом, что негостеприимным хозяевам оно точно не понравится.

Похоже, в бетонных кучах чего-то прикидывали, взвешивали «за» и «против». И стрелок, засевший за трубой на крыше второй избы слева, тоже прикидывал – попадет, не попадет... А, может, команды ждал, бес его знает. Но пока не

стрелял. Это он правильно. Потому, что не попал бы. Я ж шкурой чую, когда в меня целится тот, кто попасть может. А этот нет, рылом не вышел, снайпер недоделанный.

Короче, в кучах ничего не решили, поэтому, поразмыслив, полезли наружу. Понятно. Один слева, один справа, похожие друг на друга, как глиняные горшки, криво слепленные и пережженные в печи.

Кривые ноги аборигенов были всунуты в резиновые сапоги, выше которых наличествовали штаны в заплатках. На кособоких торсах – безразмерные телогрейки, перехваченные в поясе веревками. Еще выше – бороды, тщательно расчесанные, смахивающие формой на лопаты для уборки снега. Над бородами – рожи. Опухшие от пьянства и гнилой воды, с грязно-бурыми пятнами Железной чумы, что поражает порой тех, кто слишком много ковыряется в ржавых останках боевых роботов. Похоже, у обоих начальная стадия, стало быть, поживут еще. Правда, недолго, пока вся кожа не порыжеет и не отвалится от тел вместе с мясом. Видал я трупы умерших от той чумы. Жуткая картина. Голые скелеты, валяющиеся на ковре из ошметков плоти, похожих на вконец проржавевшую металлическую стружку.

Но пока что зараженные были полны сил и опасны, как и все те, кто держит в руках более-менее приличное оружие. Охотничья «вертикалка» того, что слева стоял, меня не особо впечатлила, а вот ПКМ второго, направленный на меня, заслуживал куда более пристального внимания.

– Ну и чей ты будешь, гость незванный? – спросил пулеметчик голосом густым, как с душою сваренные, но прокисшие щи недельной давности.

– Свой буду, чей же еще, – громко проговорил я, чтоб меня услышали сквозь рокот моих «миниганов». – Проехать бы надо.

– Понимаю, – криво ухмыльнулся бородач. – С Питера едешь, значица. Ладно. Плати подорожную, и проезжай.

– А велика ли подорожная? – осведомился я.

– Да не особо, – пожал плечами абориген. – Лисапед свой моторный отдай, да и иди себе, кто ж тебя держит?

– А лицо не треснет? – поинтересовался я, борясь с желанием вдавить кнопку до конца.

– Да не, мое не должно, – отозвался бородач. – Гляди, чтоб твое не разорвало, когда мои парни стрелять начнут.

– Ладно, уговорил, – кивнул я. – Забирай.

И, слегка поддав газку, медленно двинул свой байк вперед.

На невозмутимом лице бородача мелькнула тень удивления. Небось, не ожидал, что я так запросто соглашусь. Но в следующий миг пулеметчик не сдержал торжествующей ухмылки, как и его сообщник, кстати. Мол, эк мы лихо лоха обули, раз-два, и в дамках.

Ну да, молодцы, вообще не вопрос. Всем надо выживать. По глазам видно: сейчас заберут мотоцикл, потом все остальное. А в финале их рогатки получают свежее обновле-

ние в виде моей головы. Самые надежные схемы – двухходовые. Поговорили – получили все, что хотели, в том числе и жизнь собеседника. И стрелять даже не пришлось, портить одёжку и, возможно, ценный лисапед с мотором, который потом хрен где в Зоне отремонтируешь.

Поравнявшись с аборигенами, я заглушил мотор, неторопливо откинул боковую подставку, так же медленно начал слезать – и вполне ожидаемо увидел тень слева, стремительно движущуюся ко мне... Естественно. Идеальный трофей на дороге – это когда ты, не повредив ничего, взял всё, включая бывшего владельца добытого имущества. Ну, может только самую малость подпортил, если это касается того владельца. На дороге удар прикладом в голову вообще не считается за насилие, так, что-то вроде безобидного подзатыльника. А если кто-то от этого умрет, тоже небольшая беда. Жаль конечно, не удастся поглумиться вдосталь над беспомощной жертвой, а после подвесить ее на столбе взамен напрочь сгнившего трупа...

Но меня как-то не устраивала перспектива оказаться в роли идеального трофея. Поэтому я чуток притормозил свое движение, при этом отклонив голову в сторону.

Приклад прошелестел мимо, лишь слегка задев мою щеку. Со стороны могло показаться, что удар достиг цели, я даже услышал, как пулеметчик одобрительно хрюкнул. Правда, в следующий миг он понял, что ошибся – но было уже поздно.

Не встретив сопротивления, владелец «вертикалки», на-

несший удар, по инерции провалился вперед, и его мясистая, грязная шея оказалась в поле моего зрения. Грех было не воспользоваться моментом. Ну, я и воспользовался, двинув кулаком точно под мочку развесистого уха.

Под костяшками ощутило хрустнуло. Понятное дело, соцевидный отросток височной кости имеет ячеистую структуру, и сломать его так же просто, как раскрошить кулаком пшеничный сухарь. Однако последствия такого удара бывают весьма серьезными. Они у Гомера, например, отлично в его знаменитой поэме описаны. Там Одиссей «слабо ударил» одного проходимца в вышеназванную точку, после чего тот рухнул наземь, топя пятками об землю и изрыгая пастью кровавой фонтан. Удар нелетальный, но черепно-мозговая травма налицо.

Вот и я не зверь же какой, чтоб живого человека убивать за то, что он меня вырубить собрался. Вырубить в ответ – это по справедливости. И, «вертикалку» забрав из ослабевших рук, треснуть прикладом пулеметчику под бороду тоже вполне нормально. Добро всегда побеждает зло, если бьет на опережение. Иначе зло может ударить первым, одержать победу... и тогда окажется добром. Ибо давно известно – в любой битве кто победил, тот и добро.

Короче, в этом раунде я оказался на стороне добра. Владелец «вертикалки» повис на моем мотоцикле, вздрагивая и периодически отрывивая в пыль кровавые комки. А пулеметчик, выронив свое оружие, шлепнулся на объемистый зад

и остался на нем сидеть, хлопая выпученными глазами.

Такой расклад меня вполне устраивал на данный момент, но за первым раундом обычно следует второй, и мне решительно не хотелось на вершине достигнутого успеха получить пулю в затылок. Поэтому я резко присел за мотоцикл, гусиным шагом переместился к пулеметчику, одновременно выдергивая из кармана разгрузки одну из гранат РГД-5, которыми меня снабдили в Питере.

После этого осталось немного – свести усики, выдернуть чеку, аккуратно продеть кольцо меж скобой и корпусом гранаты, дать бородачу слегка по горлу ребром ладони, чтоб пасть раскрыл, после чего аккуратно засунуть в нее получившуюся конструкцию. При диаметре гранаты в неполных шесть сантиметров и ширине разинутого хавальника задача вполне посильная, вошло до щелчка, будто данное отверстие меж носом и бородой специально под такие цели просверлили.

При этом я исходил из того, что пулеметчик в этой деревне большая шишка, что-то типа старосты – дефицитное оружие абы кому не доверят. А большого начальника следует беречь, холить и лелеять, это в маленьких деревнях было и будет, особенно сейчас, когда каждый здоровый мужик на счету.

– Короче, слушай сюда, – сказал я, доверительно взяв аборигена за бороду, и при этом зацепив мизинцем торчащее из разинутой пасти кольцо. – Если меня подстрелят и я упаду,

колечко потянет за собой скобу. Дальше ты, думаю, вкурил что к чему. То есть, сдохнем мы оба, и твой кореш в придачу. Да нет, не вращай глазами, живой он. Через неделю будет лучше, чем был до этого. В общем, так. Сейчас мы встанем, я доведу до твоих корешей политику партии, а потом ты проведешь меня вместе с мотоциклом через минное поле. После чего забирай братуху своего, и двигай куда вздумается. Уразумел?

Абориген уразумел. И если вначале у меня еще были сомнения насчет моего мероприятия, то сейчас они отпали. При слове «братуха» бородач вздрогнул и невольно скользнул взглядом по неподвижному телу, перекинутому через мотоцикл, словно свежестиранный прикроватный коврик, вывешенный на просушку. Вот оно что... Бородачи-то родственники, хотя обозначая жертву «братухой», я имел в виду родство интересов, замешенное на совместном промысле, как это было в свое время у российских бандитов в конце двадцатого века. Оказалось, что все лучше, чем я ожидал. Если от лютой обиды староста, может, и мог пожертвовать собой, то ради брата он явно пойдет на все. Вот и ладушки, вот и хорошо.

– Эй, вы, там, – заорал я дурным голосом. – Не стреляйте, если хотите, чтоб ваш староста с его братом еще пожили.

И аккуратно так высунул голову из-за мотоцикла.

Понятно. Сельчане осмысливали. Из-за бетонных куч вышли еще четыре фигуры, меж домами тоже наметилось ше-

веление. Рядом с трубой на крыше мигнул блик – и пропал. Местный снайпер нерешительно опустил винтовку – видать, тоже задумался.

В таких случаях самое лучшее это подогреть мыслительный процесс новой порцией аргументов. Я осторожно потянул за колечко и староста, словно бык с окольцованным носом, послушно потащился в указанном направлении. То есть, вместе со мной встал на ноги, при этом не выпустив из рук пулемета. Вот она, деревенская хозяйственность. Пусть башку оторвет, но свое не брошу. Ну и ладно. Мне он своим пулеметом вреда не причинит, ствол больно длинный, а я – рядом. Пусть тащит свое оружие с собой, может, потом оно мне пригодится.

Между тем из-за левой мусорной кучи вышел длинный, тощий, небритый тип, чем-то похожий на облезлую швабру, у которой по какому-то недомыслию природы выросли мо-сластые конечности. Одет человек-швабра был так же, как и его соплеменники, только вместо телогрейки на нем была клетчатая рубаша с закатанными рукавами, при этом он небрежно поигрывал тупорылым револьвером, в ковбойском стиле туда-сюда крутя его на указательном пальце.

– Нормальное предложение, – процедил тощий, длинно сплюнув при этом через заметную дыру меж зубами. – Только нах нужен нам староста, которого какой-то вахлак скрутил за секунду, будто барана?

– Смотри шары себе не отстрели, крутой, – посоветовал

я. – И следи за базаром, а то я их тебе отстрелю.

Признаться, я блефовал. Сейчас стрелять мне было крайне неинтересно. Одно неосторожное движение, и кольцо вылетит из старостовой пасти вместе со скобой, после чего можно считать, что я точно отстрелялся. То есть, я рассчитывал взять деревенских на понт, но, похоже, не прокатило. Видно, что длинный только и мечтал о том, чтобы занять место бородатого, и сейчас, увидев удобный повод, пошел вабанк. При этом не дурак, сволочь такая, сам не стреляет. Ему надо, чтоб это за него сельчане сделали. Сейчас настроит народ против никудышного старосты, и...

Но тут случилось неожиданное. Пулемет в руках моего пленника отрывисто твякнул два раза подряд, и человек-швабра плюхнулся в грязь развороченным затылком – пули калибра 7,62, выпущенные с близкого расстояния, имеют свойство прошивать череп насквозь, вынося при этом напроць затылочную кость.

– Неплохо, – одобрил я с невольным уважением. Староста сейчас рискнул нехило, спасая свой авторитет, который он явно ценил дороже жизни. Понятно же – дернись я от неожиданности, и всё, конец нам обоим. Но борода поступил так, как счел нужным.

– Неплохо, – повторил я. – А теперь аккуратно клади пулемет на братца, бери мотоцикл за ручки и пошли. Мое предложение по-прежнему в силе.

Староста послушался. Сейчас ему больше ничего не оста-

валось делать. Мне же пришлось отпустить кольцо – иначе в такой сложной связке я его точно рано или поздно выдерну. Зато я завладел пулеметом и пошел следом за его хозяином на манер рака из басни, пятясь назад, но при этом периодически оглядываясь, дабы ненароком не наступить на мину.

Их, кстати, деревенские насажали довольно густо. Обогнув рогатки по обочине, мы полсотни метров шли очень осторожно – а я уж так вообще словно по канату вышагивал, вертя головой так, что того гляди шея перекрутится, как «уставшая» проволока, и переломится посередине.

Но все обошлось. Никто из аборигенов стрелять не пытался – видать, впечатлились смертью тощего. Это они правильно. Жить-то всем охота, а пуля – дура, даже при беспорядочной стрельбе может ужалить. Деревенские же люди обстоятельные, явно предпочитали получать стопроцентный результат при минимальных потерях. Поэтому мы без дополнительных приключений миновали проход в минном поле и остановились.

– Ладно, – сказал я. – Приехали. Ты только не дергайся, я гранату достану – и разойдемся краями, как в море корабли.

Неприятное это дело вытаскивать из чьей-то пасти «эрг-эдэшку». И потому, что опасно это, и потому, что довольно мерзко. Непроизвольных слюней староста напускал в бороду изрядное количество, но делать было нечего. В условиях постапокалипсиса граната есть большая роскошь, разбрасываться которой – преступление.

Короче, я ее оттуда извлек, чуть не блеванув в слегка прожжавевшую физиономию бородача – с зубной пастой и другими средствами гигиены в этом мире напряженка, и воняло от аборигена хуже, чем от вокзального бомжа. А из пасти – особенно. Но я к таким делам привычный, порой сам не благоухаю гиацинтами, пока не доберусь до родника или лоханки с чистой водой. Так что все прошло благополучно, в том числе и всовывание чеки обратно – я такое уже проделывал, опыт имеется.

За моими манипуляциями староста наблюдал угрюмо и сосредоточенно. Есть такое свойство у РГД-5, притягивать к себе внимание, особенно когда кто-то возится с ее детонатором. Лишь после того, как я закончил и всунул гранату обратно в кармашек разгрузки, бородач немного расслабился. Правда при этом, судя по насупленным мохнатым бровям, настроение у него не улучшилось.

– Пулемет отдашь? – глухо осведомился он.

– Чтоб ты мне из него в спину отработал? – хмыкнул я. – Не, не отдам. Он пойдет в счет компенсации за моральный ущерб.

Судя по морщинам, обозначившимся на широком лбу старосты, он меня не понял. Хотя общий смысл уловил – пулемета ему не видать как своих грязных, мохнатых ушей.

– Зато брата отдам в целости и сохранности, – подсластил я горькую пилюлю. Хотя бородача это не особо обрадовало – похоже, свое оружие он ценил больше непутевого родствен-

ника.

– Ну и подавись, – процедил староста сквозь оставшиеся зубы, которые пока что пощадила Железная чума. – Один хрен дальше Новгорода не будет тебе пути.

– Это ты, типа, сейчас меня проклял, или что-то в этом роде? – кивнул я, прилаживая ремнями к мотоциклу трофейный пулемет. – Но, видишь ли, я верю только в Смерть, в Удачу, и в Зону, остальное меня не трогает. Так что зря стараешься, от твоей молитвы кошка не продрищется.

– Увидим, – бросил бородач через плечо – не дослушав мой монолог, он взвалил безвольное тело брата на плечо, развернулся и пошел обратно. Надо же, какой ранимый. Похоже, обиделся. Ну и ладно, что ж теперь делать? На обиженных, как известно, коромысло кладут и воду возят. А мне в дорогу пора. Кстати, староста прав – судя по Тимофеевой карте, я уже был недалеко от Великого Новгорода, князю которого мне нужно было передать неведомую хрень в коробочке...

Я уже собирался было сесть в седло моего байка и отчалить побыстрее и подальше от неприветливого селения, как со стороны деревни грохнул одиночный выстрел.

Реакция у меня на такие неприятности порой опережает осознание. То есть, я в ту же секунду обнаружил себя присевшим за моим бронированным мотоциклом с «Валом» в руках, наблюдая при этом жизненную картину – бородача посреди минного поля, медленно оседающего вниз.

Ясно, что ж тут неясного. Судя по звуку выстрела, тявкнула «трехлинейка», которых я, кстати, в руках деревенских не заметил. Значит, это работа того доморощенного снайпера, что на крыше из-за трубы блестел линзой своего прицела. Почему он раньше не выстрелил, пока мы через минное поле шли, понятно. Деревенские совещались. И, посоветовавшись, пришли к общему решению – староста-неудачник вместе со своим невезучим братцем им больше не нужен.

Положа руку на печень, судьба старосты и его брата мне была глубоко параллельна. Но при этом меня крайне заботило будущее моей шкуры и целостность мотоцикла, который может довольно болезненно отреагировать на попадание винтовочной пули. Броня броней, но «трехлинейка» – это «трехлинейка». В умелых руках оружие страшное. Впрочем, и в неумелых – тоже. Бывает, что лоху везет, а у удачливых везение заканчивается, и на стыке этих моментов порой происходят весьма печальные события.

Дом с трубой уже почти скрылся в серой листве, но я чувствовал, что это для стрелка не помеха. Тем более, что он – в укрытии, а я – на открытой местности. И как только я попытаюсь сесть на свой мотоцикл, тут деревенский Робин Гуд и примется за работу. Не иначе сейчас приник к прицелу и ждет, когда я попытаюсь вскочить в седло и скрыться из опасной зоны.

Однако он не учел одной детали...

Бородач рухнул всем телом на утыканный минами ас-

фальт, при этом так и не пришедший в себя брат тяжело упал рядом с ним. Как минимум, четыре мины разом собой накрыли.

И результат этого не замедлил сказаться.

Четыре взрыва слились в один, к небу взметнулись черно-красные гейзеры, состоящие из дыма, огня и разорванной человеческой плоти. Но мне было недосуг любоваться этими красотами. Я уже стоял в положении для стрельбы с колена, уперев левый локоть в кожаную сидуху мотоцикла и направив ствол «Вала» в черные клубы дыма. Ветерок тут присутствует, через несколько секунд он сдует дымовую завесу, и я снова окажусь как на ладони. И тогда тому снайперу за трубой может повезти...

Но все-таки лучше, чтобы повезло мне.

Дым не был особой помехой. Я прекрасно помнил расположение того дома с трубой, будто видел перед собой схематично нарисованную картинку. И мне недоставало самой малости, одной из двух...

Увидеть блик, когда пропадет дым.

Либо почувствовать линию прицела...

Первое – плохо и ненадежно. Потому что и враг будет видеть меня, а блеснет ли линза или нет – еще вопрос.

Второе – лучше. Но это уже метафизика, то, во что не верит большинство людей... кроме тех, кто знает, что *намерение* – такое же осязаемое явление, как ветер, ворошащий твои волосы, или предчувствие скорой смерти, когда по тво-

ей спине струится холодный пот и ты понимаешь, что всё, это конец...

Я знал, что тот, за трубой, сейчас водит стволом винтовки, ждет, когда рассеется дым и картинка прояснится. Он уже ясно представил себе, как плавно потянет за спуск, и я упаду с пульей в черепе. Я чувствовал это, и знал, что теперь он не промахнется. Слишком сильным было его *намерение*. Потому, что он от всего сердца желал мести. Вероятно, кто-то из братьев был его близким родственником – потому что только за близкого человека так горячо хотят рассчитаться с убийцей той же монетой.

Это было вне прицела моего «Вала». Вне оружия вообще. Вне этого мира. Поэтому я просто закрыл глаза – так мне было *лучше видно*. Слишком тонкие материи схлестнулись в клубках черного дыма, никоим образом не зависящие от наших глаз. Я не видел снайпера, он не видел меня, но мы оба очень хорошо чувствовали невидимые траектории невыпущенных пуль, которыми нащупывали друг друга.

И, нащупав, мы выстрелили.

Одновременно.

Меня сильно рвануло за плечо, к коже словно приложили раскаленный прут. Но это было как будто не со мной. Сейчас я очень четко осознавал, что есть я, а что – моя мясо-костяная оболочка, которой я управляю. При этом «я» было одновременно и мной, и оружием, и линией прицела... и пульей, ударившей в пульсирующий мышечный комок и разо-

рвавшей его на части.

Я ощутил некоторую досаду. Парень, умевший чувствовать траектории невыпущенных пуль так, словно это были лазерные целеуказатели, мог бы стать великолепным снайпером. Но сейчас он лежал на крыше, раскинув руки и глядя в серое небо застывшими глазами, а на его груди расплывалось большое вишневое пятно. Я ясно видел эту картину, и мне для этого не нужно было открывать глаза.

А потом все закончилось.

В ноздри ударило кислой тротиловой вонью, замешанной на смраде свежевскрытых кишок. И это значило, что я – это снова я, симбиоз некоего астрального меня и того самого мясного мешка с костями, который надо было поскорее тащить отсюда, если я не хочу, чтобы деревенские нашпиговали его свинцом. Дым еще не рассеялся, а со стороны деревни уже неслись крики ярости, не сулившие мне ничего хорошего.

Окончательно приходить в себя времени не было. Мир еще колыбался перед глазами, словно я смотрел на него через стеклянную миску с мутным желе, плечо горело огнем – похоже, прошедшая по касательной пуля неслабо распорола кожу. Но это все было вторично. Главное сейчас – удержаться на мотоцикле и не потерять из виду серую ленту асфальта.

И я удержался.

Ветер, ударивший мне в лицо, отрезвил не хуже ушата ледяной воды. Шлем так и остался лежать в мотоциклетной

сумке, и он был не нужен. Сейчас мне гораздо больше требовался ветер, выстегивающий из глаз злые слезы, а из головы – лишние мысли. Потому что если начнешь думать по поводу произошедшего, то обязательно придешь к неутешительному выводу, что ты не такой, как все, и, возможно, правы некоторые мутанты, считающие меня своим. Впрочем, какая разница, кто ты? Главное, что ты – жив, твои враги мертвы, а впереди лежит более-менее ровная дорога без рогаток, мин и новых кандидатов на тот свет... Или же тех, кто отправит меня в Край Вечной Войны – напоследок бородатый очень конкретно пообещал мне такую встречу. Ну, что ж, посмотрим, кому на этот раз улыбнется Зона.

* * *

Дальше я километров пятнадцать проехал без остановки, лишь порой с тревогой косясь на стрелку датчика уровня топлива, неумолимо приближающуюся к нулевой отметке. Хорошо, если удастся разжиться бензином в Новгороде. А если нет?

Старая, еще довоенная карта Тимофея потерялась во время битвы с людьми. Выпала из-за пазухи, и с концами. Затоптали в грязь. Тимофей по этому поводу сильно переживал, но все же по памяти набросал мне путь от Питера до Москвы. Новгород у него получился похожим на боевого робота модификации «Скорпион», вытянувшего клешни в на-

правлении Петербурга.

– Разведчики ходили туда примерно с год назад, – пояснил он. – Ушли четверо, вернулся один, без руки. Перед смертью рассказал немного. Справа от шоссе старый завод, своеобразная застава. Живут там вроде как люди, только чужих все равно в город не пропускают. Плевать им, человек ты или мутант, безопасность важнее. Слева от шоссе старый аэропорт, из которого тоже сделали крепость. Рядом с ним городские очистные сооружения, обнесенные высокой стеной, так что не ошибешься. Ну, как я понимаю, если «клешни» проедешь, то, считай, и до Новгорода доберешься.

А еще, благодаря старику-врачевателю, я знал, что в городе есть князь, которому мне нужно отдать какую-то хреновинку, выглядящую как окаменевший шар жука-навозника. Не уверен, что князь обрадуется такому подарку. Впрочем, я обещал, значит, постараюсь сделать. Как-никак, дед меня спас, а Долг Жизни в любой аномальной Зоне священен.

Как водится, чем ближе к большому городу, тем больше деревень должно встречаться вдоль дороги. Но то, что я видел, нравилось мне все меньше и меньше.

На самом деле, деревень было много. Когда-то. Но сейчас я ехал вдоль огромного пепелища, раскинувшегося по обеим сторонам от шоссе. Уже знакомые мне торчащие сверху трубы, почерневшие от сажи, слились в один сплошной частокол. Ехал я довольно быстро, стремясь поскорее миновать это жуткое место, но выгоревшая земля все не заканчи-

валась. Совсем недавно здесь кто-то жил, радовался, огорчался... Сейчас же от городских посадок остались лишь черные печи да обугленные бревна, меж которыми уже успела прорасти серая трава Зоны.

Вдали показались здания, унылыми горами бетона застывшие по обеим сторонам дороги. Понятно. Те самые крепости-заставы, охраняющие въезд в город. Будем надеяться, что золотом и добрым словом я смогу добиться больше, чем одним только добрым словом. Потому что пистолет, и даже мои пулеметы против таких фортов бессильны. Остается только подкуп, помноженный на мою врожденную хитроборзость.

Но чем ближе я подъезжал к фортам, тем тревожнее мне становилось на душе. Огромные бетонные крепости, судя по архитектуре (вернее, по ее отсутствию) возведенные уже после атомной войны, были необитаемыми. И, похоже, их не просто так оставили люди...

Когда я подъехал поближе и смог рассмотреть сооружение в деталях, стало ясно – я не ошибся. То, что вначале принял я за несовершенство конструкций, возведенных из обломков бетона и кирпича, оказалось дырами в стенах. Слишком аккуратными дырами даже для артиллерийских снарядов. Признаться, я с ходу даже и не сообразил, чем можно было просверлить в бетоне такое отверстие диаметром около двух метров...

И тут до меня дошло. То страшное щупальце посреди

сожженной деревни, неожиданно возникшее прямо из-под земли. Очевидно, что толстый слой почвы не был для него препятствием. Тогда меня больше заботило, как остаться в живых. А сейчас – дошло. Я не знаю, каким образом можно так вот запросто пробивать почву, асфальт и бетон, но щупальцу это удавалось как нельзя лучше. Или – щупальцам, судя по количеству отверстий в стенах крепостей.

А потом, за безжизненным зданием аэропорта, из-за отверстий похожим на дуршлаг, я увидел Стену. Бетонную. Высотой метров в двадцать. Без окон и дверей, словно кто-то хотел отгородить что-то от внешнего мира, и затратил на это очень много сил и средств. Вполне могли и после войны возвести – судя по всему, Новгород не бомбили так, как Москву и Питер. Подогнали строительную технику и выстроили толстую и высокую загородку, вбухав в нее тонны и тонны бетона...

Но неведомое что-то вырвалось, проломив стену. Вон, левее, единственная дыра в Стене имеется. Огромная, будто танк сквозь нее проехал. Правда, одно «но». Края дыры были словно оплавлены. И это мне очень не понравилось.

Бетон плавится при температуре более тысячи градусов – в частности при воздействии на него радиоактивной кориумной лавы, смеси, состоящей из ядерного топлива и расплавленных соседствующих материалов. Видел я такое в Чернобыле. Эдакий застывший водопад лавы, проплавившей себе путь сквозь подвал реактора в 1986 году. И дыры, кото-

рые лава проплавила, видел. Очень похожие на ту, что в Стене, только меньше намного... Как-то даже думать не хотелось, что мутировало в недрах очистных сооружений, а потом, пройдя сквозь метровую толщу бетона, вылезло наружу...

Но путь был один, только вперед. И я поехал, очень надеюсь, что мне не придется встретиться с тварью, для которой армированная стена как для нас холодец. Захотел – пальцем проткнул. Или сожрал, например. А что? Не удивлюсь, если неведомая пакость жрет бетон, я в Зонах и не такое видел.

Между тем выжженные деревенские дома остались позади, впереди же замаячили коробки зданий, похожие на огромные силикатные кирпичи, поставленные на попа. Я подъезжал к границе города, на первый взгляд, неплохо сохранившегося. Дома вроде без видимых разрушений, похоже, крыш-трава тут прижилась и разрослась буйным цветом. Так может, и люди тут живут нормальной жизнью? Про странные дыры в бетоне и живые щупальца думать не хотелось... Хотелось надеяться на лучшее. Очень хотелось. Может, хоть тут людям удалось сберечь нормальную жизнь. Может, Последняя Война только задела Новгород, но все-таки не уничтожила и прошла стороной?

Но моим надеждам не суждено было сбыться.

Я ехал между девятиэтажками, глядящими на меня пустыми проемами окон, и невольно вспоминал Припять. Пустой, мертвый город с домами типовой застройки, так похо-

жими на эти... Мертвые, словно черепа мутантов, пронизанные обилием глазниц и нездорово-зеленоватыми варикозными рисунками разросшейся крыш-травы.

Она здесь была везде, пронизала всё, до чего дотянулись ее тончайшие щупальца. Стены домов, асфальт под колесами мотоцикла, уличные фонари, даже по чудом сохранившемуся дорожному знаку с надписью «Колмово» ползла сетка из тончайших травяных нитей, местами насквозь пронзивших металл. С одной стороны, немного не по себе от этой вездесущей травы-мутанта, пронизавшей все вокруг, а с другой стороны, понимаешь, что это не патология, а хирургия. Не будь в здешнем мире крыш-травы, сохраняющей здания и дороги, за двести лет немного осталось бы на земле памятников цивилизации, которую так жестоко и беспощадно уничтожили сами люди...

Но не только пустые дома расположились вдоль дороги. Меж ними тут и там виднелись участки обожженной земли, причем довольно обширные. И уже не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять природу этих черных пятен. Кто-то таким образом пытался уничтожить те самые щупальца, вылезавшие из земли, с одним из которых я столкнулся в сгоревшей деревне. И наверняка дыры в стенах фортов – их работа. Не только хлестать они ими умеют, но и прожигать бетон насквозь, чтобы добраться до добычи... Я даже притормозил, чтобы рассмотреть одну девятиэтажку, пострадавшую больше других.

Ее стены напоминали кусок швейцарского сыра, обожженного до черноты. Небось, люди, не успевшие покинуть город, пытались укрыться в здании, а щупальца вскрыли его, словно бетонную консерву, и выковыряли оттуда все съедобное. Правда, потом кто-то другой жёг эти стены, поливал жидким огнем, не жалея горючей смеси. Но это было потом. После того, как в доме не осталось ни одной живой души...

Я тряхнул головой, отгоняя тяжелые мысли – слишком явной была картина произошедшего, возникшая у меня перед глазами. Конечно, не исключено, что это я себе сейчас всяких ужасов нафантазировал, вполне возможно, все было по-другому. Но что-то внутри меня подсказывало – ты не ошибся, Снайпер. Всё произошло именно так, и никак иначе...

Дорога была прямой, словно стрела, и я невольно прибавил газу, чтобы побыстрее проехать то, что осталось от Новгорода. И сразу же притормозил, сквозь рев мотора услышав еще более громкий звук, раздавшийся впереди. И прислушался.

Точно. Впереди, там, где шоссе впервые за долгое время делает поворот, происходило что-то масштабное. Я отчетливо слышал тяжелый грохот пушек, треск ружейных выстрелов, чьи-то крики... А еще вдалеке, над крышами домов плавали клубы черного дыма. Там что-то горело, причем на довольно большой площади. Пелена растянулась на километр, а то и поболее – отсюда было сложно сказать, насколько именно.

Соответственно, у меня было два варианта дальнейшего развития событий. объехать явно опасное место по широкой дуге и продолжить путь, благо город был пронзен множеством неплохо сохранившихся асфальтовых артерий. Либо ехать вперед, в самое пекло глобальных чужих разборок, не имеющих ко мне ни малейшего отношения.

Элементарная логика подсказывала очевидный ответ. У тебя есть цель, простая и понятная. Вот и ездай к своей цели. Совершенно необязательно лезть в чужое пекло для того, чтобы удовлетворить любопытство. Оно и так понятно – кто-то кем-то недоволен, причем настолько, что готов рискнуть собственной жизнью ради того, чтобы убить оппонента. История стара как мир, и вряд ли ты найдешь там для себя что-то новое, кроме свежих шрамов на собственной шкуре.

Но, в то же время, было и другое...

Сволочь-память услужливо воспроизвела карту Тимофея, на которой этот поворот был достаточно явно обозначен. После него дорога вновь становилась прямой, и вела она точнехонько к новгородскому Кремлю. Где, как я понимаю, и должен был находиться князь, которому следовало отдать коробочку с камушком.

По идее, звучит бредово. Переться в центр неведомой бойни ни пойми ради чего. Сувенир от незнакомого деда отдать, ага. Типа, всюю воюющему князю сейчас до сувениров. Но, блин, Долг Жизни есть Долг Жизни, и я, скрепя сердце, направил мотоцикл по дороге к Кремлю.

Мой байк машина шустрая, полтора километра для нее не расстояние. Слева потянуло близкой рекой, и почти сразу я увидел новгородский Кремль. Кирпичные стены, приземистые, коренастые башни, рассчитанные на долгую осаду. Чистый функционал, ничего лишнего. Крепость стояла на основательном холме, что добавляло проблем осаждающим. Которых, впрочем, было немало...

И это точно были не люди.

Вернее, они ими были когда-то, но сейчас они представляли собой нечто совершенно иное.

На Кремль лезли мертвые. Их было много, очень много. Лохмотья кожи свисали с желтых от времени костей, полупустые черепа сочились черной гнилью, многие ползли, лишённые одной, а то и обеих нижних конечностей, цепляясь за землю непомерно отросшими, крепкими ногтями...

Это были даже и не зомби в привычном понимании этого слова. На Кремль накатывались волны мертвой органики, мешанина костей, обрывков плоти и на удивление толстых и крепких ногтей, которым больше подошло бы определение «когти». А среди этого моря мертвечины через примерно равные промежутки торчали щупальца... Не одиночные, как то, что я встретил в сожженной деревне, а целые пучки, эдакие кусты шевелящихся отростков с одним общим основанием.

Сейчас они не хлестали никого, и даже почти не двигались, напоминая кусты с прямыми, напряженными ветвями,

лишенными листьями... или слегка подрагивающие щупальца гигантских осьминогов, которым вдруг вздумалось бы воткнуться головой в землю, воздев к небу свои гибкие конечности.

«Антенны, – пришла мне в голову совершенно определенная мысль, не предусматривающая иных вариантов. – Живые антенны, каким-то образом сумевшие извлечь из земли этот океан мертвечины и бросить его на крепость».

Но защитники Кремля не собирались сдаваться. То тут, то там со стен срывались вниз длинные струи пламени, хлещущие по атакующим, и тогда воздух наполнялся зловещим треском горящей плоти, слышным даже отсюда. Глухо рывкали чугунные пушки, и горячие ядра, врезаясь в мертвых, проделывали в их рядах длинные коридоры – которые, впрочем, тут же заполнялись новыми трупами.

Меж зубцами одной из башен я заметил движение. Следом в месиво, шевелящееся у ее подножия, полетел большой кожаный бурдюк. Упал, треснул от удара о чьи-то обломки ребер, на мертвечину плеснуло черное. Горячая смола? А, может, сырая нефть, отсюда не разобрать. Следом в место падения одна за другой воткнулись три горящие стрелы. Одна потухла сразу, вонзившись в отсыревшую грудную клетку трупа, зато две другие нашли цель. Черная жидкость вспыхнула, да так, что языки пламени достали до одного из «кустов».

Послышалось пронзительное шипение, однажды уже слы-

шанное мной, только во много раз громче – видать, гигантского «осьминога» припекло нехило...

Впрочем, переживал он недолго.

Осклизлые щупальца внезапно провисли книзу, образовав нечто вроде щепотки, вершиной направленной на башню. Миг – и я увидел возле основания щупалец стремительно нарастающее сияние.

Раздался громкий хлопок, похожий на удар арбалетной тетивы – и из «щепотки» вылетел сгусток ярко фосфоресцирующей слизи. Пролетев по воздуху наподобие снаряда катапульты, мерцающая пакость ударила в верхнюю часть башни, туда, где зияли ряды бойниц и узких окон, из которых торчали жерла старинных чугунных пушек.

Следом я услышал многоголосый вопль, полный боли – похоже, брызги ядовитой гадости попали на защитников крепости.

Видимо, боль была настолько нестерпимой, что один из артиллеристов ринулся к окну и бросился вниз, решив, что лучше смерть, чем такие страдания. На солнце блеснула кольчуга, и в следующую секунду тело рухнуло прямо в гущу мертвецов, толпящихся возле основания башни.

Нетрудно было догадаться, что сейчас произойдет, но мне надо было удостовериться.

И я удостоверился, приложив к глазу половинку двенадцатикратного бинокля с аккуратно зачищенным местом облома второй зрительной трубы – трофеей, который я взял в

логове Черного Шака.

Итак, я не ошибся. Сейчас мертвые рвали на части человека, зубами, когтями и обломками собственных когтей выковыривая из кольчуги горячую плоть. Через пару секунд слой шевелящейся гнили полностью накрыл несчастного, но я успел увидеть то, что ожидал увидеть.

Это был человек. То есть, новгородский Кремль защищали люди. И людям требовалась помощь, иначе еще от силы четверть часа такой осады, и древние стены некому будет защищать. Трупы, повинувшись ментальной команде «кустов», лезли на крепость без всяких лестниц, по головам и телам друг друга, и этот вал мертвой плоти грозил вот-вот перехлестнуться через стены...

Кстати, пучки щупалец предусмотрительно отползли подальше, предпочитая управлять атакой на расстоянии – видимо, урок не прошел даром, и никто из командования больше не желал получить огненной струей по чувствительным конечностям. Я заметил, что, переползая, они оставляют в земле глубокие траншеи.

А еще я обратил внимание, что процесс перемещения в режиме «щупальца наверху» дается им непросто – ползли «кусты» медленно и с большим напряжением. Видимо, хотели двух зайцев одновременно убить: и контроль над атакой сохранить, и свои задницы, в земле спрятанные, обезопасить. Но, как известно, одновременно за двумя зайцами гоняться все равно, что против ветра плевать. Толку никако-

го, лишь одно расстройство.

«Кустов» было семь, и в процессе сдачи назад они потихоньку собрались в одну кучу. В принципе, верная тема. И руководить, наверно, проще, и лес шевелящихся щупалец выглядит более устрашающе.

В общем, поверила в себя жуть подземная, причем настолько, что совсем забыла про тылы. Впрочем, ей простибельно. Похоже, в этом мире у них врагов не осталось, кроме людей – да и тех они, опустошив город, всех в крепость загнали...

Всех. Кроме одного.

За грохотом пушек и воем мертвецов никто не услышал, как взревел мотор моего мотоцикла и как, набирая скорость, зарокотали «миниганы». Эх, прощай боезапас, собранный благодарными питерцами. Но на хорошее дело – не жалко...

Я летел вперед, а струи горячего свинца хлестали по «кустам», раздирая в клочья толстые щупальца. Не снижая скорости, я качнул мотоцикл влево, и поток раскаленного металла словно серым мечом срезал целую пачку омерзительных отростков, оставив торчать в земле лишь отвратительный «пень» из дрожащей, окровавленной плоти.

Буквально за несколько секунд минимум четыре «куста» были выведены из строя. Их оторванные щупальца сокращались на земле, словно обезглавленные змеи, а оставшимися отростками они судорожно пытались зачихать себя поглубже в землю. Правда, получалось это у них неважно...

А потом у меня кончились патроны.

«Миниган», бесспорно, пулемет замечательный, особенно в плане плотности огня. Правда, есть у него один недостаток, присущий большинству американских механизмов, начиная от экономики и автомобилей, и заканчивая пулеметами. Они со страшной силой жрут. В данном случае – боекомплект. Никак не могу к этому привыкнуть, хотя надо бы уже – далеко не впервые со штатовской продукцией сталкиваюсь...

Удивительное свойство человеческого мозга – эдак с философским уклоном размышлять о проблеме в то время, как эта проблема вот-вот оставит от тебя мокрое место. Три оставшихся «куста», уже успевшие до половины ввинтиться в землю, вдруг осознали, что напавший с тыла противник внезапно сдулся. И всё, что от него осталось, это угрожающий рев мотоцикла и непомерное нахальство наглого типа, прущего вперед, несмотря на то, что кроме очень недорогих понтов у него больше ничего нет.

А я пёр, хотя бы потому, что мне деваться оказалось некуда. Дорога, ведущая к Кремлю, была весьма неширокой. Видимо, раньше тут находился парк, или что-то типа этого. Во всяком случае, сейчас справа и слева от меня на земле валялись лишь останки поваленных и сгоревших деревьев, которых было очень много. Слишком много для того, чтобы безопасно развернуться среди этого бурелома. Пока будешь рулем крутить, «кусты» тебя порвут как грелку, либо светящимися слюнями заплюют – вон у самого левого уже в ос-

новании щупалец что-то светится.

В него и полетела первая граната, которую я швырнул практически не снижая скорости. Рискованное дело на ходу вытащить «эргэдэшку» из разгрузки, отпустив руль, выдержать чеку, после чего метнуть увесистый гостинец – и при этом попасть в цель.

Последнее удалось хуже всего.

От моего броска мотоцикл слегка повело, но я успел схватиться за руль. Граната же, упав немного левее цели, хлопнула, взрыхлив осколками землю...

И тут я увидел, как на месте взрыва родился яркий всполох, будто я взорвал сосуд с фосфоресцирующей жидкостью, закопанный на этом месте, причем не особо глубоко. Похоже, это была та же жидкость, что сейчас, мерцающая, стекала по стене башни, только под землей ее оказалось не в пример больше...

Странная субстанция брызнула во все стороны, обдав светящимся фонтаном уцелевшие «кусты». Тут же раздался многоголосый визг, от которого у меня сразу заложило уши. Не иначе, я по счастливой случайности подорвал баллон подземного огнеметчика, и сейчас все, кто находился близко от него, голосили, словно свиньи под ножом.

Вот, значит, как. На пищевод подземных тварей эта био-плазма не действует, а на кожу – вполне. Похоже, по природе своей это все-таки гигантские черви, способные объединяться в «кусты». Что такое их плазмометчик, умеющий таскать

светящуюся жидкость в брюхе, еще предстоит выяснить. Но принцип их совместных действий уже понятен. Одни управляют мертвой материей, другие стреляют. При этом их щупальца есть неслабое оружие ближнего боя. Вот так всегда. Чем больше молотишь врага, тем лучше его узнаешь. Не побьешь – не изучишь...

Все это промелькнуло в моей голове, пока я несся на мотоцикле вперед, причем уже не по дороге, а по плотному слою мертвечины. Будь байк немного полегче, я бы точно забуксовал на этой горе полуразложившейся плоти. А так широкие колеса исправно приминали останки, и я лишь немного потерял в скорости.

Пока «кусты» были заняты своими проблемами, которых я им подкинул, мертвецы вообще не подавали признаков жизни. Только что лезли на стены по головам и черепам друг друга – и вдруг разом попадали на землю, устлав нестерпимо вонючим ковром все пространство перед новгородским Кремлем.

Но я уже видел мост через крепостной ров, ведущий к большим арочным воротам. Кстати, ров был не ахти – неглубокий, с пологими склонами, в плане обороны толку от него немного. Но на мотоцикле без моста никак к воротам не проехать, поэтому пришлось поднажать, продавив себе колесами путь в омерзительно мягкой, местами вообще полужидкой массе мертвечины.

Ворота были сделаны на совесть, из проклепанной тол-

стенной стали. В створках – узкие амбразуры и пушечные порты. При необходимости шестеро стрелков даже с кремневыми аркебузами вполне могли сдержать любую атаку. Поставить позади них заряжающих с дополнительными ружьями, и веди себе непрерывный огонь по желающим прорваться в ворота. А если еще огнемёт позади ворот пристроить, так вообще красота. Кстати, не забываем, что над воротами – стена с зубцами, за которыми тоже стрелки прячутся. Это я хорошо разглядел, так как те снайперы с длинными самопалами сейчас сосредоточенно целились в меня.

И я их прекрасно понимал. Появился ни пойми кто, покрошил врагов в мелкий винегрет, и сейчас, небось, начнет орать: «Открывайте ворота, встречайте победителя!». Только это вряд ли. Можно не орать, не откроют полюбому. Это ж не кино какое-нибудь, а реальный постапокалипсис, где хорошему мутанту-псионику раз плюнуть навести массовый глюк. Откроешь створки – и ринется в Кремль толпа мертвых, притворившихся неживыми.

Но я все равно несся по мосту к воротам, потому что совсем уже скоро «кусты» щупалец придут в себя, и, осознав, что произошло, вновь поднимут с земли своих мертвецов. И окажусь я в самой середине толпы голодных трупов, и сожрут меня не подавившись как в низкобюджетном треш-боевике про зомби. Обидно, блин. Но если те, на стенах, меня не поймут, или не захотят понять, так все и будет...

Мост я пролетел без проблем и, остановившись возле во-

рот, поднял голову.

Ага. Не стреляют. Смотрят. Ждут. Ну хорошо, хоть спасибо, что не стреляют. Значит, есть надежда на то, что диалог получится. Интересно, сколько у меня есть времени до того, как «кусты» перезагрузятся? Минута? Две? А хрен его знает. Но, думаю, скоро узнаю, причем на собственной шкуре.

– На стену поднимите? – негромко, но внятно произнес я.

Два стрелка, свесивших головы вниз, переглянулись. Здоровые ребята. На головах – древнерусские шлемы. Под шлемами – ряхи, широкие, как лопаты, с приплюснутыми боксерскими носами. В такие физиономии кулаками бить все равно, что в эти стальные ворота, только костяшки отобьешь.

– Ну и откель ты такой обозначился? – поинтересовался тот, что справа. – Кто тебя знает, человек ты или морок?

– Человек, – терпеливо сказал я, спиной ощущая, как позади меня колышутся «кусты», собираясь с мыслями. – Из Питера. В смысле, из Петербурга. Проездом. Увидел, что тут у вас небольшая проблема. Решил помочь.

Воины снова переглянулись.

– Из Питера, значица, – протянул тот, что был слева, обладатель приметного шрама от левого глаза до уха. – И как же ты досюда доехал? Никто тормознуть не пытался?

– Пытались, – кивнул я, слыша за спиной тихое шевеление – похоже, «кусты» попробовали поднять свою армию, но у них после контузии получилось не очень. При этом моя сталкерская чуйка мне подсказывала, что еще немного – и у

них все получится.

– Пытались, – повторил я. – Один раз даже удачно, в городке, что на повороте шоссе. Если б не дедушка один, так бы там и остался.

– Что за дедушка? – быстро поинтересовался правый, похоже, соображавший быстрее товарища.

– Из слободы, что около города. Пулю пальцами вытащил, печень с кишками в самогоне прополоскал, добрейшей души человек...

– Кишки прополоскал... – выдохнул левый. – Ни фиги себе! Его, по ходу, сам Перехожий за своего принял...

И без паузы, на том же выдохе, обернувшись проорал:

– Микола, Никифор, мухой сюда ремни тащите! Да не те, давай толстые, которые для пушек. Бегом, мля, сейчас дохлятина снова восстанет!

Над зубцами с лязгом нависла стальная рама со сложной системой блоков. Это правильно. Надо, например, разведчиков со стены спустить или обратно принять – самое милое дело, чтоб лишний раз ворота не открывать. Только выдержит ли рама мой мотоцикл, вес которого с пулеметами, думаю, под тонну будет?

Возле моих ног упали ремни, которые я ну очень быстро пропустил под байком и застегнул карабинами на специальных стальных кольцах. Похоже, этот механизм рассчитан на то, чтобы спускать со стены коня или фенакодуса, уж больно точно по размерам всё подошло. Вряд ли защитники крепо-

сти таскают туда-сюда мотоциклы...

– Поднимай, – махнул я, опасаясь, что система может не выдержать веса тяжелой машины вместе с седоком.

– Уверен? – хмыкнули со стены.

Я обернулся.

Буквально в нескольких метрах от меня мертвый ковер пришел в движение. Полуразложившиеся останки, порой чавкая отваливающейся плотью, ползли ко мне. Медленно пока, неуверенно, но неотвратно. Чего только не бывает в мире, отравленном последствиями минувшей войны. Вон скелет с остатками черного мяса на костях ползет, шаркая по мосту раздувшимися артритными суставами. И нижняя челюсть, болтающаяся под черепом, судорожно приподнимается кверху, и снова бессильно падает вниз, повисая на связках. В глазницах нет ни черта, сгнили глаза давно, однако эта нелепая конструкция все равно тащится ко мне вместе с другими останками, скрежеща по покрытию моста неестественно длинными когтями, грязными, растрескавшимися и обломанными на кончиках...

Там много еще всего было – руки, лапы, морды, почти целые и в последней стадии гниения, но скелет этот меня больше всех поразил, даже не знаю почему. Вроде много уже всего повидал, а вот поди ж ты...

– Эй, ты! Быстрее!!!

Крик со стены вернул меня из ступора. Черт, не в скелете дело! Мозги мне кто-то канифолит сто процентов. Похожее

я чувствовал, когда под ментальную атаку шама попал. Ну уж нет, не дождетесь! Придется рискнуть.

Просунув ногу меж ремней, я втиснулся на сиденье мотоцикла, и немедленно почувствовал, как тяжелая машина отрывается от земли вместе со мной. Скелет, который был уже рядом, неожиданно шустро протянул лапу, намереваясь сдернуть меня с мотоцикла, но я вскинул автомат. Выстрел – и раздробленная кисть разлетелась во все стороны на мелкие костяные осколки.

Скелет досадливо щелкнул нижней челюстью и протянул вперед вторую конечность. Но увы, кто прощелкал, тот опоздал. Я уже висел над стеной, и несколько пар рук, ухватившись за специальные лямки, затягивали меня в крепость вместе с моим байком.

С высоты мне было хорошо видно, как оставшиеся «кусты», собравшись вместе, судорожно тянут в мою сторону свои щупальца, словно указывая своей армии – вот он, тот, кто сорвал нам атаку и убил наших собратьев! Хватайте его!

Но теперь хватать было некого. Через пару минут мотоцикл уже стоял на стене, поддерживаемый дюжими мужиками, а я эдак степенно слезал с него, как подобает... ну, если не победителю, то тому, кто доставил изрядные проблемы вражеской армии. Слез, неспешно закинул за спину автомат... и ощутил, что под лопаткой у меня слегка кольнуло. И не только под лопаткой, в области печени тоже стало как-то весьма некомфортно.

Я опустил глаза. Понятно. Пока я пыжился с умным видом, спасенные недвусмысленно так приставили к моей тушке пару ножигов, одновременно снимая с моего плеча «Вал» и вытаскивая из кобуры «Ярыгина». Ишь ты, как ловко они это проделали, молодцы. А вот «Бритву», висящую на поясе, не тронули, хотя «Сталкер» из-за голенища «берца» извлекли. Интересно, что бы это значило? Чуют, что нож мой не простой, и может быть смертельно опасным даже без участия хозяина? Или здесь нечто другое? Обычай, например. Скажем, нельзя гостя вообще без оружия оставлять, пока не выяснится, что он за фрукт такой.

И, похоже, я не ошибся. Выяснять начали немедленно.

– Ну что, мил человек, сказывай, чего ты в нашем Кремле забыл? Почему мимо не проехал? Говори быстро, а то нам скоро не до тебя будет – дохлятина того и гляди снова на стены ползет.

Вопросы задавал бородатый стрелок со шрамом, благодаря которому казалось, что левый глаз допрашивающего подозрительно прищурен.

Ну я и ответил.

– К князю мне вашему надо.

– К князю? – уже по-настоящему прищурился бородач, отчего его левый глаз совсем превратился в щелку. – А к господу богу тебе не надо? Быстро и безболезненно.

– Это всегда успеется, – отозвался я. – Но если я князю подарок не передам от того, кого ты Перехожим назвал, ста-

рик изрядно обидится.

Меж собравшимися – а их на стене уже было больше дюжины – прошелестел шепоток.

– Перехожий... Его Перехожий послал...

– Ладно, – кивнул бородач со шрамом – похоже, он был тут за главного. – Нож мы тебе как гостю оставляем, остальное прибережем пока. Но смотри. Князь нам всем как отец родной. Одно резкое движение – и ты труп. Мы все за тобой смотреть будем.

Мужики согласно загудели.

– Да без проблем, – сказал я. – Можешь сам тот подарок отдать, а я попытаюсь обратно к шоссе прорваться.

Конечно, обратно вряд ли бы у меня получилось. Просто не люблю я, когда мне обещают нож или стрелу в спину за то, что я нос почешу не вовремя. И, похоже, борода это понял.

– Ну уж нет. Сказал Перехожий, чтоб ты передал – ты и передашь. Ну и это... спасибо, что атаку скведов сорвал. Вон они, похоже, отползают.

– Скведов?

– Так мы зовем тех тварей, что управляют мертвыми, – пояснил бородач.

Я посмотрел туда, откуда приехал, благо обзор со стены был замечательный. Действительно, поняв, что мне удалось улизнуть, оставшиеся «кусты» сочли за лучшее ретироваться, оставив своих мертвецов гнить под открытым небом. Сейчас на поверхности земли были видны лишь кончики

щупалец – выжившие твари стремительно зарывались в почву, где явно чувствовали себя комфортнее, чем на поверхности. Ну да, по-английски «сквед» – шланг, или брандспойт. Меткое название для тварей, способных изрыгать ментальные волны и светящиеся кислотные сопля. Не исключено, что это название дали тварям не защитники Кремля, вряд ли знающие заморские языки, а создатели подземных чудовищ, идеально приспособленных для скрытной диверсионной деятельности.

– В метро пошли, домой... твари.

Бородач сплюнул себе под ноги.

– А у вас тут метро есть? – удивился я.

– Говорят, копали втихаря лет триста назад. Типа, если большие шишки поедут из Москвы в Питер, в случае чего будет им конкретное бомбоубежище. И заодно люди попользуются, ага. Но что-то там не срослось у тех шишек, метро у нас так и не открыли, а тоннели остались. И сейчас там живут скведы... Ладно, потрепались – и будет. Пошли что ли к князю, пока все тихо.

* * *

Когда мы спустились со стены по деревянным всходам, стало понятно, почему поднять мой байк столь сложным способом оказалось проще, чем открыть ворота.

Возле ворот стояла настоящая огнеметная батарея из че-

тырех установок, назначение которых не вызывало сомнений.

Каждая из них представляла собой полуую железную трубу с большим котлом, подвешенным к ее концу с одной стороны, и с кузнечными мехами с другой. Над трубами шли длинные кожухи. Один поворот деревянных рукоятей, и из полых телескопических направляющих выдвинутся более тонкие трубы, поднимут стальные порты на воротах, и наружу хлынет горящая смола, или еще какой-нибудь заменитель легендарного греческого огня. Помнится, в старых учебниках по военному искусству встречались рисунки подобных машин, но вот воочию увидеть их мне, естественно, не доводилось. Теперь увидел. Такие же огнеметы стояли и на стенах – видимо, против тварей, прущих на Кремль, они были более действенным средством, чем чугунные пушки. А, может, просто в пушках ощущалась нехватка.

Видно было, что люди выживали как могли. Вся территория Кремля представляла собой очень тесный лагерь, разбитый бедствующими людьми на крайне ограниченной территории. Меж добротными домами, видимо, сложенными в относительно мирное время, ютились наспех построенные длинные бревенчатые избы. Местами я даже заметил выцветшие от времени армейские палатки. Кое-где перед ними горели костры, на которых женщины готовили пищу. Интересно, а где они провиант берут?

Ответ пришел сам собой. Пройдя еще немного дальше,

я увидел ряды больших этажерок, меж которыми ходила стройная девушка с лейкой. На каждой полке стоял деревянный открытый короб с землей, из которого торчала хлипкая с виду ботва. Неплохой вариант в условиях дефицита свободного пространства. Вопросы только два – хватит ли всем этого урожая, и что будут защитники крепости есть зимой?

Похоже, новгородский Кремль по внутренней структуре не похож на московский, под которым, как рассказывал Данила, расположен целый подземный город. Существовала крепость по старинке, за счет посадов, то есть, города за стенами, где люди нашли способ отвоевывать свое у природы. Видимо, до недавнего времени не было нужды у новгородцев прятаться в Кремле – отгоняли мутантов еще на подступах к городу, огнем с фортов...

До тех пор, пока не появились другие мутанты. Гораздо более опасные.

Сначала новгородцы выжигали их огнеметами, даже далекие рейды устраивали за линию фортов, предавая огню целые зараженные деревни. Но живых «кустов», способных поднимать из земли мертвечину, становилось все больше. И вот сейчас дошло дело до того, что выжившие люди укрылись в своей последней твердыне...

Надолго ли?

Мы повернули направо, к строгому двухэтажному зданию, переоборудованному под мини-форт. Окна подвала и первого этажа заложены кирпичом, второй этаж превращен

в ряд узких бойниц. Да, в такой коробке с толстенными стенами можно продержаться некоторое время, если враг прорвется внутрь крепости. Правда, лишь до тех пор, пока не кончатся вода, пища, огнесмесь и патроны, после чего укрепление последнего шанса превратится в могильник для его защитников...

– Здание присутственных мест, резиденция князя, – сказал бородач со шрамом. – Как тебя звать-то, как доложить?

– Зови Снарком, – озвучил я свое прозвище, уже не помню кем сотворенное из моего позывного.

– Странное имечко, иноземное, – вновь слегка прищурился бородач. – Хотя судят не по имени, а по делам. Меня если чего Никифором кличут. А брата моего Степаном. Кузнецы мы оба – в мирное время.

После чего вздохнул:

– Эх, когда оно было последний раз, мирное время-то. Так, передышки между боями.

И направился к широкой каменной лестнице, по краям которой задумчиво замерли бронзовые львы. Ну да, то, что они братья, было ясно сразу. Второй бородач от первого только шрамом и отличается, да второй, может, чуток помоложе. А так, как одним штампом их штамповали. И что кузнецы – понятно. Такие плечи и ручки могут быть только от каждодневной работы с тяжелым молотом, ибо сомневаюсь, что в этом мире сохранились штанги, гантели и анаболические стероиды.

Лестница оканчивалась высокими бронированными дверями, судя по внешнему виду, откованными вручную и усиленными поперечными полосами металла. Однако подойти к ней Никифор не успел, так и замер посреди лестницы, когда закрипели стальные петли.

Дверь распахнулась. На ее пороге стоял князь. То, что это именно он, сомнений не было. Такими я и представлял князей из старинных русских сказок. Широкоплечими, в музейно-роскошных одеждах, при мече, властном взгляде и аккуратной бородке, в которой уже виднелась заметная седина. Да и в железном взгляде князя проглядывало то, что инженеры называют усталостью металла. Конечно, это все еще металл, все еще держит на себе непомерный вес, но недалек тот час, когда опора сломается, не выдержав колоссального груза...

Правда, это увидел только я. Остальные склонились в поясном поклоне. Понятно. Когда исчезает цивилизация, старые традиции возрождаются с новой силой. Может, оно и правильно. Особенно, когда князь в ответ тоже кланяется народу. Не в пояс, но вполне заметно, что не просто головой кивнул, а оказал ответное уважение.

– С чем пожаловали, люди добрые?

Голос у князя был глубоким, с хрипотцой – наверно, не прошел даром удар ножом или мечом, от которого остался косой свежий шрам на горле, лишь частично прикрытый высоким расшитым воротником.

– Да вот, княже, человека привели, – ответил Никифор. – Иноземца. Звать Снарком. Помог нам атаку скведов поганых отбить, порешил их преизрядно из пулеметов, которых я ранее не видал. Говорит, что его Перехожий послал, тебе какую-то вещицу передать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.